

Издается в Ленинграде

В. Лурия

Цена 10 коп.

Вокруг Света

№ 10

СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ

ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА
ЛЕНИН-МОСКВА

НОВИНКА 1929 г.
Д-р мед. В. ДВМБСКАЯ
СРЕДСТВА и МЕРЫ
ПРОТИВ БЕРЕМЕННОСТИ
Описание старых и новейших средств и способов предупрежд. беременности. С 10 рис. Цена 1 р. 65 к. (изд. автора).
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЛЫСЫНЫ
и **БОЛЕЗНИ ВОЛОС**
Д-ра С. БОРМАНА. Изд. авт. 1929 г. С 28 рисунк. и мног. рецептов. Цена 2 р.
УХОД ЗА ЗДОРОВОЙ И БОЛЬНОЙ КОЖЕЙ
(Медицинская косметика) д-ра С. БОРМАНА. 2-е доп. изд. авт. 1929 г. Цена 1 р. 25 к.
ОНАНИЗМ и БОРЬБА С НИМ
Половые отклонения и полов. воспитание д-ра В. ХАЧАТРЯНА. 2-е доп. изд. авт. 1929 г. Цена 1 р. 25 к.
МОЕ ВОДОЛЕЧЕНИЕ
испробован. в течение 40 лет. Соб. И. НЕЙППА. Перевод с 103 нем. изд., с 19 рис. Изд. „Космос“ 27 г. Цена 1 р. 50 к.
Цены уназаны с ПЕРЕСЫЛКОЙ
Книжки высылает (можно налож. платеж.)
Книжное Дело „ЛИТЕРАТУРА“
ОДЕССА, Ул. Ласалы, 26/с.

ИЗУЧАЙТЕ САМИ
по новой книге для
КУСТАРЕЙ - ПРОИЗВОДСТВЕННИКОВ
ПОЛЕЗНЫЕ
ПРОИЗВОДСТВА

кожи, мыла, красок, свинки, чернил, ватки, кремов, масел, веревки, смазки, масел, духов, одеколона, пудры, помады, средств. ухода за кожей, волосами, ногтями, а также обработку и окраску кости, рога и мехов и мн. других. С громадным количеством рецептов и рисунков. Цена с пересылкой 3 р. 50 к. 1929 г. Издание БРОНГАУЗ-ЕФРОН.
ЛЕНИНГРАД, внутри Гостиного двора, № 124/с.

ВИКТРИКС
Нов. увлекат. игра шахм. фигурами на доске с 100 изобрет. участ. кроме обычн. нов. фигур
ПУЛЕМЕТ, САМОЛЕТ и ТАНК.
Ц. 5 р., вышл. нл. плат. о задат. 3 р., перес. за 1/4 кнго. Учрежд. и кружкам особ. услво.
Ленинград, ул. Некрасова, № 58, кв. 47.
Изобретатель А. И. ПЕТРОВ.

НЕ ТРЕБУЕТСЯ ЗНАНИЯ НОТ
новый общий самоучитель
ДЛЯ ГИТАРЫ,
МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ с нот. методикой, романс. и пр. Ц. 2 р. 50 к.
Выс. Кооп. Т-во „КУЛЬТУРА и ЗНАНИЕ“
Москва, Политехн. Музей, 110/с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ФОТО-ПОРТРЕТ
по дене (разм. в изъёмном паспорту) 24 X 40 — 7 руб., 30 X 40 — 10 р. 40 X 50 — 4 р., 50 X 60 — 20 р. Высылается наложенным платежом без задатка по получении любой фотографической карточки.
РЕКОМЕНДУЕМ: ФОТО-ПОРТРЕТ В КРАСКАХ
исполненный масляными красками (при заказах уназывать цвет волос, глаз и платья). Цены на 50% дороже.
Выполнение срочное и аккуратное. Оригиналы возвращаются.
Москва, 13, Игральная, 8. Художнику М. И. КУСОВНИКОВУ.

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА!
Омерзелье из жемчуга франц. типа „Кепта“. Искусств., масляни., тяжеловесн., не бьют., не отлич. от настоящ.: 42 см с серебр. замк.—9 р.; 50 см с серебр. замк.—11 р.; 65 см с серебр. замк.—14 р.; 130 см—23 р.; 150 см—27 р.; 170 см—31 р. Серьги франц. типа „Кепта“ серебр., последних модных фасонов—4 р. 65 к. Упакровка, пересылка и страховка посылки бесплатно. Высыл. налож. плат. Имеется масса благодарностей. Ленинград, 40. Пушкинская ул., д. 10, кв. 6/в. А. В. ШТЕЙН.

УЧИТЕСЬ САМИ
ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИТЕЛЕЙ по нотной или цифровой СИСТЕМЕ:
НА ГАРМОНИКЕ
Самоуч. Сергеева и Голубева для венск. двухр. русск. или нем. строя 21 кл. 12 бас. с приложением 20 пьес. Ц. 1 р. 25 к.
НА БАЛАЛАЙКЕ
Самоуч. Илюхина. Ц. 1 р. 25 к. 4 сборника песен Лукашина от 60 к. до 80 к.
Ильин, А.—Самоуч. (только по цифровой системе). Ц. 60 к.
М. Красов.—Сборник песен—отрывки из опер (только по нотной системе). Ц. 40 к.
НА МАНДОЛИНЕ
Самоуч. Петрова. Ц. 1 р.
НА ГИТАРЕ
Самоуч. Успенского. Ц. 1 р. 75 к. Альбомы Любавина (только по цифровой системе). От 1 р. до 2 р. Заказы до 5 р. высылаются наложен. плат. без задатка: свыше 5 р. по получ. задатка. Пересылка за счет заказчика. Москва (Центр). Неглинная, 14/16, МУЗСЕНТОРУ ГОСИЗДАТА.

Проф. АВГУСТ ФОРЕЛЬ.
ПОЛОВОЙ ВОПРОС
Издание 1928 г.
В 2-х том., ок. 500 стр. с рисун. Всемирно известный труд о половой жизни, формах любви, полов. извращениях, болезнях и гигиене. Ц. 4 р. 60 к. с перес.
Кооп. Т-во „СОВРЕМЕННОСТЬ“, Москва, ул. Герцена, 31/17.

РУЧНОЙ ТРУД
САМОУЧИТЕЛЬ
РЕМЕСЛ
столяры, токари, слесари, литейш., кузнецы, жестянщики, переплетш., картонажи, гончары,
КРОЙКИ и ШИТЬЯ,
вязанья, вышиванья, выжиганья, выпливанья, вырезанья, плетения и мн. др. С 199 рис. и образцами работ. Самодельное изготовление инструментов. Цена с пересыл. 3 р. 1929 г. Издание БРОНГАУЗ-ЕФРОН.
ЛЕНИНГРАД, внутри Гостиного двора, № 124/с.

ЛЮБУЮ КНИГУ
в 3-дневный срок вышл. наложен. плат. Заказы и деньги адр.: Москва, Центр, Политехнич. Музей, 110/с. Кооп. Т-во „КУЛЬТУРА и ЗНАНИЕ“

НОТЫ
ПОЧТОЙ
любые немедленно вышл. наложен. плат. МУЗСЕНТОРУ ГОСИЗДАТА, Москва, Неглинная, 14/16, или Ленинград, Проспект 25 Октября, 58. КАТАЛОГИ (фортепиано, вокальный, больш. духов. орк., струнный, мас.-худож. литер. книг по музыке). ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО.

АВТОМОБИЛЬ
ный справочник. Руководство по ВСЕМ вопросам: Автопрант., Табл., Матем. формулы, Ремонт, Эксплуатация, Авто-шарни, Маршруты, Кратк. русско-фр.-англ.-немецк. словарь, Спорт-отд. 320 стр., вып. 1925 г., в пер. ц. 3 р. А. Волков. Вышл. налож. плат. Москва, Политехнический музей, 110/с. „КУЛЬТУРА и ЗНАНИЕ“.

ФОКУСЫ
ОТГАДЫВАНИЕ МЫСЛЕЙ, ОРАКУЛ, ЗАНИМАТ. ФИЗИЧ. ОПЫТЫ и пр. в двух отд. книжках, сост. Перельман и др. Изд. 1929 г. 310 стр., 161 рис. Ц. 1 р. 80 к., с перес. 2 р. 20 к. МОСКВА, Мохомая, 22 с. Кооперат. Т-во „САМООБРАЗОВАНИЕ“.

КМОДОНИТ
ЗУБНАЯ ПАСТА
ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА
„ЛЕН-МОСКВА“
МОСКВА, ВОЛКОВАЯ, 51/с

КАК ЖИТЬ, ЧТОБ ЗДОРОВЫМ БЫТЬ?
Ответ на этот вопрос можно найти в 2-недельном массовом иллюстрированном журнале
„ГИГИЕНА и ЗДОРОВЬЕ РАБОЧ. и КРЕСТЬЯНСК. СЕМЬИ“.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год 2 р. 75 к., на 6 м.—1 р. 40 к., на 3 мес.—70 коп.
ПРИЕМ ПОДПИСКИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ (с января месяца).
Все, подписавшиеся на год, получают бесплатное приложение книгу д-ра М. Дубляской
„ЗДОРОВАЯ ПИЩА и КАК ЕЕ ГОТОВИТЬ“
Цена в отд. продаже свыше 1 руб.
Подписка принимается в Главн. Контора Изд-ва „Лен. Правда“, Ленинград 2, Социалистическая, 14 и во всех почтово-телегр. конторах.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА
Е. НОСКОВОЙ
„ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО“
СОДЕРЖАНИЕ: Статьи по вопросам рационального ведения домашнего хозяйства.—Уход за жильем.—Электричество в домашнем хозяйстве.—Отопление.—Важнейшие продукты питания.
КУЛИНАРИЯ
ЗАГОТОВКИ и ЗАПАСЫ ПРОДУКТОВ.
Цена 75 коп.
Заказы и деньги направлять: Ленинград, 2. Фонтанка, 57. Главн. Контора Издательства „Красная Газета“.

ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ в ЖУРНАЛ
„ВОКРУГ СВЕТА“
В отделениях „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“, Ленинград, проспект 25-го Октября, д. № 68, тел. 187-99. Москва, Советская пл., 34, т. 4-18-63.

Содержание: М. Зуев-Ордынец „Колокольный омут“ (Уральская быль). — Я. Листовский „Тихдукуш“. — Д. Призма „Белое золото“ (очерк). — Джекобс „Билль-копилка“. — П. Чернов „Дом на воде“. — Пекин — Лондон.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ОМУТ

М. Зуев-Ордынец.

Уральская бывальщина.

Рис. Н. Кочергина.

ПАНИЙ недолговечный снегопад — «предзимок» побелил тропу и склоны гор, когда мы добрались, наконец, до замшелого охотничьего зимовья. Через полчаса на краю большого оврага бушевал и свистел костер.

Старый лесник Савва, сопровождавший мне в охотничьих бродяжничествах по уральской тайге, покрывавшая, холил шомполом свой ветхий бердан. Я сидел на завалинке зимовья и глядел бездумно на синие вершины дальних хребтов, на оголен-

ную тайгу, шебуршавшую опавшей листвою, на Белую, крутившуюся у нас под ногами, где-то там внизу, в узком каменистом ущелье. По середине реки шло, вернее — стремительно летело, «сало» — рыхлый и грязный, с обломанными краями осенний лед. Но даже отсюда, с тридцати-саженной высоты видно было, что синий ледок крепко затянул уже тихие речные заливчики, заводи и старицы. Значит, денька через два-три жди и настоящего ледостава.

— Дедушка, а как это место называется? — спросил я.

— Какое место? — откликнулся Савва. И бросив в костер снятую с шомпола, почерневшую от порохового нагара смазку, встал. — Здесь, парень, много местов! Энтю, вишь, Чирьева гора, — указал он негнувшимся пальцем на куполообразную вершину в полуверсте от нас, по скату которой перекинулась грязная лента древнего екатерининского тракта.

— Лесок, что под Чирьевой горой, Рябиновым Колком называется. А звон там, на реке, это Колокольный Омут будет.

Я тоже встал и поглядел по направлению дедова пальца. Чирьева гора оборвалась к реке известковой синевато-белой отвесной стеной, «иконостасом», как зовут их на Урале. С другого берега к реке подступила такая же обрывистая стена. И можно было догадаться, что зажата между горами Белая крутит в этом месте могучим, злым омутом.

— А почему, дедушка, тот омут называется Колокольным? — спросил я.

— Издавна, от дедов это прозвище идет. Старики про омут этот занятую быль сказывали. Если спать не хошь — слухай, расскажу...

Савва опустил рядом со мной на завалинку. И под озорной посвист осеннего ветра, под шорохи и скрипы уральской тайги рассказал мне дед старинную, седую бывальщину..

На горном Дебердеевском заводе спешили. Приказано было окончить к пятнице громадный, на пятьсот пудов, колокол для казанского городского собора. Губернатор казанский получил весть, что город его посетит вскоре высокая особа, не то посол какой-то чужеземный, не то цесаревич-наследник Павел Петрович, а может быть и сама «царица-матушка» Екатерина Алексеевна. И приказал губернатор Дебердееву чуть ли не в неделю отлить соборный колокол, чтобы достойным звоном смогла встретить Казань высокого гостя.

Поэтому и спешили, даже по воскресеньям работая. Ведь в пятницу срок. Но уже в понедельник к обеду сплав был готов. Пожелтела «сопла»¹⁾ и металлический прут, опущенный в бурливую расплавленную массу, покрывался глазурью, — «стеклился», как говорили рабочие.

— Ну, готово вареву! — проговорил литейщик Митька Диков, яростно мешая фумейзеном темно-красную кашу сплава.

— А ты видел, Митяй, сколь серебра-то в сплав вбухали? — соросил Дикова его «парный» — Афонька Шебаша, детина с коломенскую версту ростом, бывший крепостной, бежавший на горные заводы «из-под барина». — В колокол им не жаль серебро валишь, а нам, рабочим, по алтыну не хоят к задельной плате прикинуть. Выжиги!

— Да уж, — вздохнул Диков. — За спасибо над работой пупки рвем!

¹⁾ Воздуховодная труба, подающая воздух в плавильные печи.

— Которые литейщики, на двор!—звонко прокричал пробежавший мальчонка-заслонщик. — Старшой кличет! Сейчас сплав спускать будут!

Диков и Шебаша вслед за остальными литейщиками вышли на просторный, как площадь, квадратный литейный двор. Там, около формы, установленной по-старинке—здесь же на дворе в громадной яме, даже ничем не огороженной, суетились уже уставщики и мастера. Форма была готова. Ядро из плитняка жирно обмазал обожженной глиной. Желоба для стока расплавленного металла были прочищены.

— Начнем, што-ли? — обратился один из уставщиков к литейному мастеру, суровому старику с окладистой седой бородой. — Все готово уж.

— Годи, — ответил мастер. — «Сам» не велел без его начинать. Да вот он идет!

К форме быстрыми шагами, пересекая двор, шел «сам», хозяин завода купец Дебердеев. И лишь только он поравнялся с формой, мастер снял шапку, перекрестился и крикнул зычно:

— Рушь заслонки! Пускай сплав в желоба!

Заслонки выбили ломami и раскаленная масса из всех трех печей сразу, фырча и гудя, побежала по желобам.

Рабочие, любопытствующие, вытягивая шеи, сгрудились вокруг ямы. Задние поднажали, передние поневоле подались вперед и чьи-то локти уперлись в бока Дебердеева.

— Куда прете, чумазые? — свирепо крикнул «сам» и, размахнувшись, крепко ударил в грудь подвернувшегося под руку Дикова. Митяй качнулся, взмахнул руками, судорожно цепляясь за воздух, и... свалился в форму¹⁾.

— Боже-ж мой!—вцепился с ужасом в седые свои кудри мастер и, видимо, не сознавая, что он делает, занес ногу над формой, тоже собираясь спрыгнуть на дно. Но его схватили за подол рубахи и оттащили назад.

А на дворе уже, как огненный пал по сухой степи, метался вопль сотен глоток:

— Давай!.. Скорее!.. Сгорит ведь!.. Поворачивайся!

А что давать, зачем поворачиваться—никто толком не знал. Все видели, как Диков вполз на гранитное ядро и, с трудом сохраняя равновесие на его скользкой поверхности, пытался выкарабкаться из ямы. Но земля обвалилась под руками Митяи и он снова сполз на дно формы. Все это видели, но, беспомощно галдя у края ямы, не знали, чем помочь товарищу... А расплавленный металл приближался, неотвратимый и грозный. Сила человеческая не смогла бы уже теперь остановить его бег.

— Сволочи! Душу крещеную загубите!—рявкнул Шебаша и, разбрасывая по сторонам встречных, бросился к яме.

— Митяй, держи! — встав на колени у края и спустив в форму поясной ремень, крикнул Афоня. Диков подпрыгнул и схватился за конец ремня. Шебаша с силой рванул его на себя, но тотчас же упал на землю, закрыв ладонями опаленное лицо.

Сплав, разбрасывая дождь огненных искр, подошел уже к краям желобов. Зноя его и не выдержал обожженный, ослепленный Шебаша. А Диков, поднятый было до половины ямы, снова упал на плитняк.

В этот миг раскаленный металл с гудением и ревом хлы-

нул из желобов в форму. Страшный крик заживо горящего человека взметнул из ямы...

После бури криков над двором повисла жуткая, томительная тишина. Лишь желоба попрежнему шумели, выплевывая без конца бурливую расплавленную массу.

Общее молчание прервал стук одиноких шагов. То Дебердеев убежал от формовой ямы по живому коридору молча расступившихся перед ним работных. Всегда красное, с жирным налетом лицо «самого» было теперь бело, как январский снег. А ненавидящие, обжигающие яростью взгляды работных заставляли хозяина зябко запахивать полы длинной суконной сибирки...

Хозяйские хоромы, деревянный одноэтажный дом, выстроенный из кондового горного леса, живым частоколом окружила толпа работных людишек. Тут были все, — и литейщики, и завальщики, и углежогги. Даже ребятишки-заслонщики шныряли между взрослыми. И лишь только отворилась дверь хозяйского дома, толпа работных подалась вперед.

Дебердеев, окруженный уставщиками, рядчиками, заводскими писцами, вышел на крыльцо. Быстрым, испытующим взглядом окинул он работных и крикнул небрежно и беззаботно:

— В чем дело, ребятушки? Почему работу бросили?

Возбужденно гудевшая толпа сразу смолкла. Сказался вековой, от предков унаследованный страх перед «самим», грозным и всесильным хозяином. Передние ряды смущенно оглядывались назад, а задние нерешительно топтались на месте, виновато глядя в землю.

— Ну? Языки проглотили? — с вызовом уже бросил Дебердеев. — Что же не отвечаете?

— Не спеши, хозяин, ответим!—раздался спокойный голос, и Шебаша торопливо выцарапался к крыльцу.

— Насчет колокола мы, ваше степенство, — обернувшись, указал Афоня на поднятый уже из формы колокол, красневший на солнце своими медными боками.—Известились мы, што хошь ты его в Казань отправить. Не дело, хозяин. Грех! Ведь в нем Митька Диков смерть свою нашел. Могила это его, колокол-то! А потому дслжен ты расколоть его и в землю закопать, как подобает!

— Да колоток свечей на митяев сорокоуст жертвуй. А жану его и детишек обеспечь!—осмелев, крикнул кто-то из толпы.

— Вот! Правильно! — качнул тяжелой головой Шебаша. — И ждем мы твоего ответа. Коль согласен колокол похоронить, счас же на работу станем, а нет...

— Молчать! — взвизгнул вдруг Дебердеев так, что рывшаяся у крыльца курица с испуганным квохтаньем ринулась в толпу. — Молчать, холуй!

Пока Шебаша говорил, Дебердеев, глядя на работных, думал:

«Время сейчас бунташное. Вор Емелька Пугач на Яике казаков против царицы поднял. Да што казаки, даже горные заводы «на низу» взбунтовались. Общая шатость в народе чувствуется. Скоро и мои чумазые засылку к бунтовщикам сделают. А потому должен я их в ежовые рукавицы немедленно взять. Коль сейчас не ошарашу их, тогда прощай все, от рук отобьются да еще и завод подожгут!..»

— Вы што это, бунтовать вздумали?—прямо с крыльца, минув ступеньки, прыгнул Дебердеев в толпу работных.

¹⁾ См. рисунок на обложке.

— Да я вас в бараний рог согну. Сок из вас потечет!
— Колокол захорони! Слышь?—загудела толпа.
— Не вам меня учить!—крикнул в ответ Дебердеев.—
Указчики тоже! Колокол в Казань пойдет!

— Да ты што, бусурман?.. — заревели работные. —
Насквозь просвечивает, мироточит от святости, а поступает
как кыргыз нематанный! Хорони колокол!.. Чорт треисподний!..

— Расходи-ись по местам!—орал, побагровев от натуги
и поднимаясь на цыпочки, Дебердеев.— Становись на работу!

— Не будем работать!.. По домам!.. А с тобой после
поговорим!..—крикнули работные, бросаясь к заводским во-
ротам. И тотчас же остановились. Ворота заняла своя, за-
водская стража, «кафтанники», лесные объездчики, хмурые
лесовики в высоких волчьих шапках.

— Ребята! — выделился в об-
щем негодующем гуле чей-то моло-
дой, веселый голос.— Не пускают
нас в ворота, вали через тын!

Послушная этому крику толпа
бросилась к заводским валам и
через минуту облепила высокий
частокол.

Шебаша, бежавший в послед-
них рядах, вдруг остановился и
крикнул Дебердееву, растерянно
глядевшему на бегство работных:

— Дай срок, купец,—сочтем я!
Вот уж Пугач всем вам покажет!
А колокола тебе не видать, как
ушей своих, так и знай!..

Их было трое, лсжавших на
лужайке, поросшей щавелем и
просвирником, трое дебердеев-
ских работных: Афонька Шебаша,
литейщик Пров Кукуев и угле-
жог, по кличке Непея. Сквозь
кусты орешника Непея, растянущ-
ийся на животе, видел округлые
очертания Чирьевой горы и серую
ленту нового, только-что про-
ложенного тракта, перекинувш-
егося через один из отрогов Чирь-
евой.

— Беспокоюсь я,—бубнил он
под нос,—ладно ли мы место-то
для засады выбрали?

Шебаша озабоченно поднял
голову. Его лицо, с опаленными
ресницами и бровями, загоревшее,
обветренное, потрескавшееся от
жара плавильных печей, походило на черствую ржаную
лепешку.

— Ничего, место усторожливое,—ответил Афонька.
И, раздвинув рукой ветви орешника, обернулся к Непею: —
Лучше места не найти!

Тракт, проходивший у них под ногами, прорываясь
в этом месте меж скалами одной обочиной своей испуганно
прижался к Чирьевой горе, а с другого бока к нему вплотную
подошли белые известковые сбрывы — «иконостасы». У
подножья их на тридцатисаженной глубине скакала по «лу-
дям»¹⁾ Белая. И в этом опасном месте тракт был пере-
горожен завалом из вековых, необхватных пихт и облом-
ков скал.

— Чуешь, какова штука? — удовлетворенно улыбнулся
Шебаша. — Рази пройти им здесь? Застрянут, голзую кладу!

Перед завалом-то я тракт «чесночком»¹⁾ посыпал. То-то
запашут их кони!

— А кто обоз-то охраняет? — спросил Пров Кукуев. —
Наши, чай, «кафтанники»?

— Коли бы наши, сполгоря было! — угромо ответил
Шебаша. — А то, вишь, узнал, подлец, што мимо уланы на
винтер-квартиры²⁾ идут, ну, и уломал маёра за взятку обоз
сопровождать. Хитер, бес! Думал, што мы побоимся на ца-
рицыно войско в драку лезть!

— Идут! Ей-бо, идут!—заорал вдруг Непея.

Шебаша вскочил и, встав во весь рост над кустами,
взглянул на тракт. Из-за ближнего поворота выползала
длинная, окутанная пылью змея. Зоркие глаза Шебаши раз-
личали желтые мундиры трех улан-разведчиков, ехавших
вперед. За ними на мохноногом, горбоносом киргизе, устало
завалась в седле, ехал офицер. За ним с рокочущим шумом,

похожим на раскаты отдаленного
грома, двигалось что-то громад-
ное и неуклюжее. То на спе-
циальном возке везли колокол,
отлитый на Дебердеевском за-
воде. В возок было впряжено
тридцать лошадей «гусем» по три
в ряд. Остальные уланы конвой-
ного эскадрона рассыпались жел-
тыми точками и спереди и сзади
возка с колоколом.

— Они,—сказал Шебаша, от-
водя от тракта напряженные, за-
стланные слезами глаза.— Ну, тро-
гай вниз, к ребятам!

Под горой, близ завала, шум-
ным табором расположились
остальные работные Дебердеев-
ского завода, вооруженные чем
попало: бердышами, медвежьими
рогатиными, самодельными пиками
и дубинами. Углежоги махали
страшными топорами на длинных
ручках, ружьями было вооружено
не больше десятка работных.

При появлении Шебаши и двух
других главарей смолкли разго-
воры, крики, песни.

— Едут!—сказал строго Ше-
баша. — Подтягивайтесь, ребята,
к завалу, да прячьтесь хоро-
шенько. А как крикну,—вылетай
да наваливайся дружнее, скопом!

Из-под ладони Афонька взгля-
нул еще раз на тракт. Передовые

уланы-разведчики, заметив завал, галопом помчались обратно
к командиру; офицер, вытащив из седельного кобура длин-
нотельный пистолет, осмотрел пули, порох, кремни
и вместе с разведчиками поскакал к завалу.

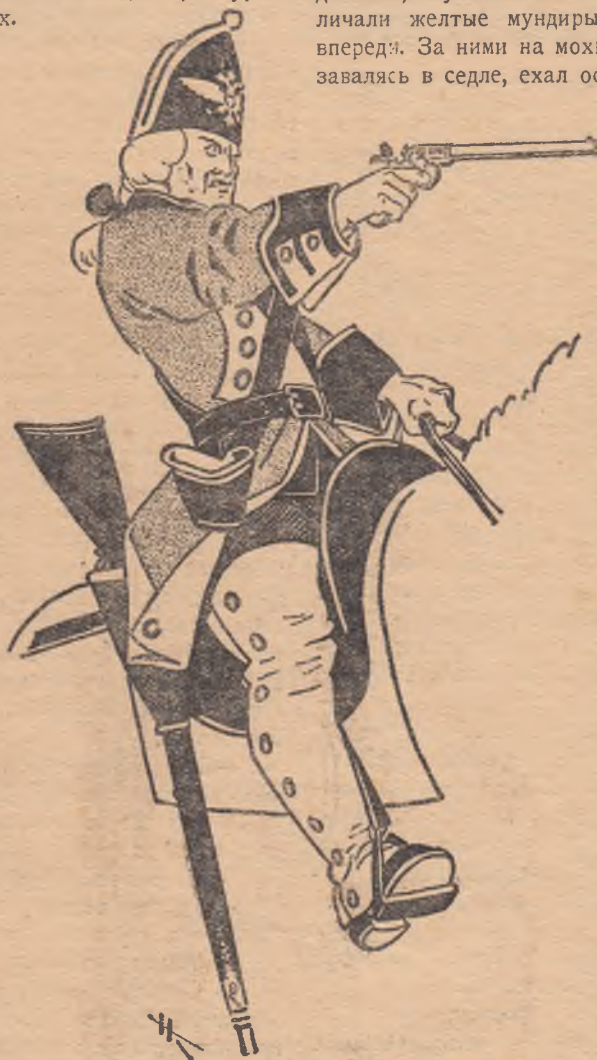
— Ну, а я пойду гостей встречать! — озорно, по-
мальчишески улыбнулся Шебаша. Надвинул покрепче на
лоб рваную шапчонку, выдернул из богатых, серебром
украшенных ножен черкесскую, без крыжа саблю, остав-
шуюся от деда, разинского есаула, и смело вспрыгнул
на завал...

— Кто это нагородил здесь?—крикнул офицер, преду-
смотрительно осадивший своего киргиза в десятке сажений
от завала.

— Мы!—ответил Шебаша.

¹⁾ «Чеснок» — колючие железные шипы, которыми засы-
пались прежде татарские броды и перелазы на южных
окраинах России.

²⁾ Винтер-квартиры — место зимней стоянки войск.

¹⁾ «Лудь» — каменная мель,

— Кто это вы? — брезгливо дернув бровью, спросил майор и начал осторожно поднимать пистолет.

— Ваше благородьничко, — просительно заговорил Шебаша, — мы, тоись дебердеевские людишки работные, до вашей милости с просьбою: отдайте нам колокол той, штов Казань-город вы везете. Товарищ наш, Диков Митяй, смерть вем свою нашел, в сплаве сгорел. И желательно нам в землю его зарыть, штов схоронить покойничка честь-почестью.

— А больше вам ничего не желательно? — улыбнулся офицер недоброй улыбкой и крикнул свирепо: — Уйди с дороги, холоп! По кайдалам соскучил?

— Ишь, ты как запел! — тоже скривился в злой улыбке Шебаша. — Вы, дворяне да заводчики, железные носы, заклевали нас, черную-то кость. Ну, да ладно уж, разведаемся коли-нибудь.

— Ах, падло, бунтовать? — Майор вскинул пистолет и спустил курок. Шебаша отшатнулся. Пуля взвизгнула где-то близко-близко, оторвав Афоньке мочку уха.

Выстрел офицера словно оживил кусты и скалы. Завал ошетинился пиками, рогатинами и бердышами сермяжников.

— Бей царицыно войско! — взмахнув саблей, первый прыгнул на тракт Шебаша.

Уланы, увидев, наконец, врага, дали залп из карабинов. Им нестройно ответили медвежачьи кремневки работных. Но перезарядить карабины уланы не успели. Пока продули дымные стволы, пока вытащили из гнезд шомпола, схватились за лялунки¹⁾, — работные навалились!!

— В сабли! — крикнул майор, бросая горячего своего киргиза в толпу врагов. Уланы последовали за командиром, но лошади их, напоравшиеся на раскиданные рогульки, начали давать «свечки», подымаясь на дыбы и сбрасывая седоков. Работным, обувшимся в поршни из толстой кабаньей кожи. «Чеснок» был не страшен. Вzbесившиеся кони металась из стороны в сторону, подставляя всадников под удары врагов. И закипел бой. Сотни людей, лязгая оружием, оглушая воздух яростными криками, тяжелым клубком ворочались в тучах пыли, то подкатывались к обрыву, то снова жались к скалам Чирьевой горы.

Шебаша с первой же сшибки выбрал себе противником офицера. Но майор, видимо, старый рубака, прижал Афоньку к скале. Тяжелый офицерский палаш сверкал стальной молнией, нанося короткие и быстрые удары. Шебаше казалось, что тысячи злых змеиных жал разом метят в него, стараясь укунить то в лицо, то в грудь, то в плечи. Отбивая с трудом палаш дедовской саблей, Афонька томился запоздалым сожалением:

«И на кой ляд я с этой чертовой саблюшкой связался? Сабля—дело господское! А мне бы чего-нибудь...»

И тут взгляд его упал на дубину, оброненную кем-то из работных, на молодой дубок, окованный в комле железом. Шебаша львиным прыжком метнулся к дубине, схватил, размахнулся широко и опустил тяжкий удар на врага. Афонька метил в кивер офицера и попал бы, если бы майор во-время не подставил парирующий палаш. Дубина и палаш встретились. И победила дубина. В руке офицера остался один эфес, а клинок разлетелся вдребезги.

Но все же удар Шебаши потерял свое первоначальное направление и вместо кивера офицера опустился на голову его коня. Иноходец взвился на дыбы, оскалив зубы. Затем

прянул назад. Один только миг видел Шебаша две пары глаз, безумных, округлившись от ужаса, — глаза человека и животного. А затем все пропало...

Шебаша бросил дубину и подошел к краю обрыва. Долгим взглядом проводил катящиеся вниз по скалам два тела — коня и всадника. Затем устало смахнул со лба пот и обернулся.

По тракту носился десяток, не больше, солдат на взбесившихся лошадях. Работные ловили их и, прямо за пояса сдергивая с седел, бросали через головы на землю. Так бабы в жнитво, хватая за свясло, перебрасывают за спину готовые снопы. И работные, дюжие парни, играючи «сажавшие» в печи четырехпудовые чугунные крицы, без труда, как бабы со снопами, расправлялись с уланами.

Остальные солдаты, уже обезоруженные, бледные и перепуганные, жались к завалу.

Бой затихал...

...Савва вдруг смолк и молчал долго, следя рассеянным взглядом за пепельно-белыми, словно беличьей шкурки, облаками, повисшими на вершине Чирьевой горы.

— Ну, а дальше-то, дед? — не вытерпел я, наконец.

— А дальше так дело было, — снова заговорил неторопливо Савва. — Как перебили дебердеевские рабочие царицыных солдат, так стали решать: а как с колоколом быть? Одни говорили — в землю потаенно зарыть, другие — в отработанный рудник сбросить. Много чего говорили. Но помирил всех Шебаша. «Купцы свое добро и в земле и в старой шахте отыщут. А вот ежели в Белой колокол потопить, — никакая сила его со дна не подымет. Вечный покой в реке усопшему будет!» На том и решили. Подвезли повозку на руках к обрыву, цепи да канаты с колокола сняли и сбросили его с Чирьевой горы в реку. Загудел, говорят, колокол последним гудом, по скалам катаясь, и пропал под водой. А упал он эвон в том месте, — снова указал дед на омут, крутившийся под Чирьевой горой. — С той поры и пошло в народе прозвище «Колокольный омут». Вот так-то, с честью, схоронил друга своего закадычного Шебаша, Афанасий-свет Клементьевич!..

— Ишь, даже отчество Шебаши ты знаешь, — недоверчиво улыбнулся я. — Откуда у тебя такие подробности, а?

И тут же я вскочил, вспомнил. Схватил, забывшись, деда за руку:

— А твоя-то, дед, как фамилия?

— Да ведь ты слышал уж, — хитро прищурился Савва. — Шебаша моя фамилия!

— Так значит?..

— Смекнул? — засмеялся дед. — А значит это, што той Афанасий Шебаша, про коего я бывальщину тебе рассказал, мне прадедом приходится. Он после того, как колокол в Белой утопил, со всей своей оравушкой на Дебердеевский завод повернул, да и спалил его. А потом к Емеле Пугачу пристал. Только не долго гулял молодец. Под Казанью заарканил его полковник Михельсон. А как увидел ухо Афанасьево стреляное, обрадовался: «Матерый волк, меченый! Видать бывал уж в наших руках!» И приказал он, много времени не тратя, здесь же на сосне повесить прадеда моего. И повесили! Тогда вся сила в их дворянских руках была, не то что теперь! У бар на расправу рука короткая, в половице так и говорится: «Барского суда околицей не объедешь».

¹⁾ Пороховницы.

Повесть А. Листовского.

О т р е д а к ц и и.

Рис. Н. Кочергина.

Редкие города и кишлаки, приотпавшиеся на склонах скалистых известковых высоких гор, голые вершины, уходящие в небо, сложенные из огромных камней крепости и замки, по местному — «кала», командующие над долинами, дороги, по которым могут двигаться только караваны мулов и верблюдов, пропасти и ущелья, снежные вершины, высушенные южным зноем долины, полужасыпанные летучими песками арыки — таков Афганистан.

Бедно живут в кишлаках Афганистана. На крохотных клочках земли, преодолевая трудности почвы и климата, разводят пшеницу, ячмень и овес.

В глубоких долинах не грохочут по стальным рельсам тяжелые локомотивы, горные потоки свергаются вниз свободно и бурно, не стесненные объятиями плотин электростанций, телеграфные линии тянутся только к столице, фабричные трубы также незнакомы афганцам, кафрам, таджикам, узбекам и туркменам, населяющим Афганистан.

Афганистан велик. Он больше любого европейского государства. В его ущельях, долинах, плоскогорьях живет свыше 7 миллионов человек. Но в то время, как всюду кругом — и в Индии, и в Туркестане, и в Персии — совершается великое перерождение и Азия вступает на пути европейской культуры, — Афганский горный остров до последних лет оставался во власти средневековых обычаев и медленного азиатского темпа жизни.

Но вот на его северных границах происходит великая революция народов, населяющих Советский союз, и Афганистан пробуждается.

Англия начинает нагло теснить свободную страну, но на этот раз Афганистан оказывает ей энергичное сопротивление.

Во главе национального движения становится младший сын эмира Хабибуллы — Аманулла. Он свергает отца и сам занимает афганский престол. Его мечта — превратить Афганистан в свободное государство, просвещенное и могущественное, обладающее собственными фабриками, заводами, железными дорогами.

Как некогда Петр Великий старую Русь, Аманулла поднимает на дыбы медлительного коня афганской истории. Реформы идут одна за другой. Для афганских детей создаются светские школы, женщинам предлагают снять чадру, поборы мулл и чиновников заменяются системой налогов, регулярная армия сменяет вооруженные племена, возглавляемые почти самостоятельными князьями-феодалами.

Вслед за Персией, Индией, Турцией и Китаем Афганистан двинулся по пути человеческого прогресса.

Но вот разыгрались события последнего года в Кабуле, вместо короля-реформатора сидит авантюрист Баче-Сакао, посланный англичанами на афганский трон для того, чтобы повернуть обратно руль афганской истории, вернуть власть муллам, опустить чадру на лица женщин и бросить афганских детей из школ светских обратно в церковные школы, где их будут учить «Корану», ненависти к цивилизации и ко всяким попыткам заменить прозябание бедных кишлаков насыщенной творчеством культурной жизнью.

Англия — это величайшая азиатская держава. Ее колониальное владычество зиждется на разрозненности азиатских народов и племен, на их несознательности, неорганизованности, малой культурности.

Но вот в Китае начинается революция. В Турции, Персии и Афганистане наступает эпоха великих реформ, имеющих, целью, кроме всего прочего, освободить Азию от английского господства.

И Англия отвечает контр-ударом на всем бесконечном фронте от Константинополя до Китая. В Китае она борется с революцией и освободительным движением в союзе с крупной буржуазией, генералами и остатками феодализма. В Индии она встает с раджам и заигрывает с нарождающейся местной крупной буржуазией.

На Ближнем Востоке она работает при помощи высшего духовенства и наиболее темных, фанатически настроенных, реакционных элементов страны. Она поднимает курдов против Кемаль-паши, племена южной Персии против Реза-Шаха. Восстание Баче-Сакао — это также дело ее рук. Десятки Лоуренсов под самыми различными масками сыплют в карманы авантюристов фунты и пиастры — все для того, чтобы повернуть вспять колесо истории.

Естественно, разумеется, задать вопрос, почему так легко удалось Англии нанести удар власти Амануллы. Неужели достаточно было восстания двух-трех племен, чтобы власть реформатора Амануллы стала перед угрозой полной ликвидации и чтобы в Кабуле появился английский ставленник в качестве эмира.

Причины неудачи Амануллы лежат гораздо глубже. Все дело в том, что его реформы не носили классового характера. Им не сочувствовали могущественные муллы и предводители племен — князья-феодалы. Буржуазия в Афганистане почти нет. Торговцы религиозны, фанатичны и в значительной

своей части настроены против Амануллы. Проведя широкую аграрную реформу и отдав княжеские и церковные земли беднякам, Аманулла мог бы привлечь на свою сторону крестьян. Но этого он не сделал. Наоборот, не желая привлечь иностранный капитал в страну, он строил железные дороги, школы и фабрики на народные деньги. Налоги и подати росли с каждым годом. Налог на осла и прочих домашних скот вырос больше чем в десять раз. Это оттолкнуло афганскую бедноту от Амануллы, а английские эмиссары и сторонники Баче-Сакао умело воспользовались этим недовольством и при помощи крестьян, восставших против Амануллы, свергли власть короля-реформатора.

Однако, не прошло и нескольких недель после захвата Кабула Баче-Сакао, как настроение в стране вновь резко переменялось. Не только крестьяне и воины, но даже и муллы, купцы и князья-феодалы увидели, что в результате свержения Амануллы страна попала под власть англичан. Новый эмир подписал позорное соглашение с Англией, а в стране началась гражданская война.

Вокруг Амануллы, перелетевшего на аэроплане в Кандагар, вновь собираются силы, готовые бороться за Кабул. Его родственник Ахмет-хан с армией джелалабадцев ведет наступление на столицу Баче-Сакао. Но и в армиях Амануллы, и Ахмет-хана, и у Баче-Сакао происходит сейчас глубокий кризис. По последним сведениям, кризис в армии Ахмет-хана разрешился не в его пользу. По слухам, Ахмет-хан захвачен в плен и казнен в Кабуле. Сбитые с толку английскими эмиссарами, афганские вожди и воины-крестьяне с трудом разбираются в случившемся. Англичане, не жалея денег, продолжают раздувать племенную вражду.

Трудно сказать, что будет завтра и чем кончится гражданская война в Афганистане. Но уже выяснилось одно — что ставка англичан на Баче-Сакао бита. Его дни сочтены, и англичане уже сейчас подыскивают ему более удачного заместителя и стараются доказать, что выдвигание Баче-Сакао — это просто неудачный шаг английского посла в Афганистане, который будто бы поддержал этого авантюриста на свой собственный страх и риск.

Печатаема нами повесть А. Листовского «Гиндукуш» в художественной форме рисует восстание против реформ Амануллы, вспыхнувшее в 1924 году, ярко показывает ту борьбу, которую ведет Афганистан за свою независимость.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Мирза-Чулак.

Вечерело. Поблескивая последними лучами заката, южное солнце опускалось за Гиндукуш. Могучий горный хребет с седой вершиной, скованной вечными льдами, постепенно исчезал в вечерних тенях.

Но в раскинувшейся у подножия хребта древней столице Афганистана, несмотря на наступавшие сумерки, жизнь была ключом. Кабул, сердце полудикой страны, готовился к годовому празднику. На улицах города были видны группы людей в разнообразных восточных одеждах. Здесь можно было увидеть и туркмена в высокой черной бараньей шапке, и смуглого индуса со всевозможными парфюмерными изделиями, и горных гурийцев, и баракзаев с мешками вкусных фисташек. Над базаром стоял гул и гомон многочисленной пестрой толпы. Седельщики и ювелиры, вышивальщики и гончары наперебой предлагали свои товары бойко снующему по базару пестрому люду. Шелк и мата, персидские, бухарские и текинские ковры, развешанные купцами на видных местах, переливались цветами радуги...

Неожиданно в глубине улицы раздался резкий гудок, и, поднимая облако едкой песчаной пыли, мимо шарахнувшейся в стороны пестрой толпы мягко пронесся автомобиль. Шофер почти не уменьшал хода. Сидевшие в машине важные ференги не считали нужным принимать каких-либо мер предосторожности по отношению к «дикарям», в паническом страхе жавшимся к стенам уличных построек... Но вот «Ройс» также быстро исчез, как и появился... Несколько грозных проклятий по адресу ференги, и снова плотная масса человеческих тел заполнила освободившуюся было улицу. Наибольшее скопление народа было на Майдане, где съехавшиеся из окрестных кишлаков афганцы окружали ряды со сладостями. Целые горы халвы, тазы и кувшины огромных размеров, содержащие в себе сладкий напиток джонажафил, занимали все пространство до стен белой мечети.

Старый мулла, стоявший у ее дверей, казалось, с любопытством наблюдал за бойкой торговлей. Но внимательный прохожий, присмотревшись к нему, без труда убедился бы, что мулла несколько не интересуется раскинувшимся подле мечети оживленным базаром,

а поджидает кого-то, потому что хитрые, заплывшие жиром глазки его нетерпеливо бегали по толпе. И точно неожиданно он вздрогнул, увидя, как, энергично действуя локтями, через толпу пробирались двое людей... Сделав еще несколько шагов, они подошли к мечети.

— Ну, как, Казан-баши ¹⁾, наши все в сборе? — вполголоса обратился один из них к старому мулле.

— Нет, Михмандар-саиб, Мирза-Чулака еще нет, но я думаю, что он не заставит себя долго ждать, потому что обещал приехать к концу базара.

— Хорошо, здесь разговаривать неудобно, войдем в мечеть.

Прибывшие, сопровождаемые муллою, обогнув строение, скрылись в боковых дверцах мечети...

По мере того как солнце скрывалось за Гиндукушем, с севера появилась дождевая туча, быстро наполнившая собою все небо. Вот упали первые капли дождя, и сейчас же с частой барабанной дробью на землю хлынул дождь. Это был сплошной ливень, серый, беспросветный и такой плотный, что казалось, если поднять голову к небу, можно захлебнуться. Наступила полутьма — ни день, ни ночь, без звезд и без света. На мостовой, где носился слабый, но заглушающий звуки плеск воды, раздалось цоканье конских подков и подле мечети появились фигуры двух всадников. Спешившись, один из них передал повод другому и вошел во двор мечети. При появлении вновь прибывшего сидевшие почтительно встали.

— Иншалла! Приветствую вас, друзья, от лица старого Афганистана... — воскликнул он.

— Да не укоротится твоя тень на земле, Мирза-Чулак, сардар... Приветствуем и тебя, светлый луч правоверных! — ответил один из присутствовавших, старик в расшитом золотом, пестром мундире и шелковом белом тюрбане, на котором, сверкая драгоценными камнями, горел «наманган», — знак того, что носитель его являлся кизляр-агой ²⁾ двора Амануллы-хана, эмира Афганского.

Воздав друг другу соответствующее случаю количество приветствий и пожеланий, все расселись на ковре, уступив наиболее почетное место Мирзе-Чулаку.

Мулла расстелил на ковре покрывало и поставил на него большой фарфоровый чайник, пиалу и блюдо с тонко нарезанными ломтиками душистой дыни.

Среди находившихся здесь в этот ненастный вечер моххарема ¹⁾ 1924 года можно было видеть весь цвет афганской знати. Сюда собралось все худшее старого Афганистана. Крупные помещики — развратные и корыстолюбивые сластолюбцы, которым реформы нового эмира не давали возможности более иметь свои эндеруны и безнаказанно обкрадывать подвластных шиитов. Имамы, муллы и мусташары, лицемерные служители культа, лишенные большей части своих доходов и строго ограниченные в правах новым законом. Крупные чиновники страны — ставленники еще Хабибуллы ²⁾. В общем здесь были все, кто был против реформ и национально-освободительного движения, во главе которого стоял молодой эмир Афганистана Аманулла-хан.

Некоторое время среди собравшихся царило молчание. Придерживаясь восточного этикета, все ждали, когда заговорит старший. Но Мирза-Чулак преднамеренно молчал, обдумывая каждое слово, которое должен был сказать. Являясь по своей натуре стопроцентным консерваторм, он чувствовал, что его бывшее могущество в стране рушится с каждым часом. Молодой эмир Афганистана — либерал, сторонник полной независимости Афганистана от ига Англии, сторонник реформ, которые должны превратить Афганистан в культурную страну. А поэтому он, Мирза-Чулак, бывший резидент эмирата, должен или убрать его с дороги, или добровольно удалиться в форт Макин, где уже томились несколько приспешников Хубибуллы. Не спеша отхлебнув глоток кош-чая, Мирза обвел всех собравшихся быстрым взглядом.

— Итак, друзья мои, да благословенно имя пророка! Час расплаты настал!.. — воскликнул он.

— Довольно сетований и угроз. Клянусь головой великого Дост-Мухамеда, скоро будет тот день, когда шакалы растащат по барханам ненавидистые нам останки падишаха. Считаю, что предварительная работа нами закончена. Сар-

¹⁾ Моххарем — первый месяц.

²⁾ Хабибулла — старый эмир Афганистана, свергнутый революционной молодежью, в том числе и Амануллой-ханом в 1919 г.

¹⁾ Казан-баши — духовный чин.

²⁾ Кизляр-ага — главный смотритель.

базы ¹⁾ только и ждут нашего сигнала, чтобы перейти к решительным действиям. Вот Эль-саиб-сардар, — продолжал он, указывая на сидевшего подле него командира гунда конных егерей, — подтвердит нам, что гарнизоны, расположенные в Хосте, могут выступить хоть сегодня же, чтобы уничтожить Аманулла, а с ним все его новшества и реформы...

Среди присутствовавших раздалась возгласы одобрения. Видно, что Мирза-Чулак сумел затронуть болезненную струнку заговорщиков. Теперь центром внимания оказался Эль-саиб.

— Охотно подтверждаю слова мусташара Мирзы-Чулака, — сказал он. — Мои сарбазы всегда готовы поднять оружие против неверного эмира, поправшего законы нашей страны. Но только должен оговориться, что за все войска в целом ручаться невозможно. Полки горных стрелков и сипаи, участвовавшие в бою под Хайбером ²⁾, вряд ли присоединятся к нам. Тем более, что во главе их стоят, как вам хорошо известно, такие люди, как Махрам-хан, Музафар-султан и Гамзат, — все ученики Моулен-Неджер-Али ³⁾. Лично я, — продолжал он, — могу поручиться за своих егерей и пехоту Хоста. Но считаю, что, располагая подобными силами, в нашем успехе можно не сомневаться, тем более, что вся подготовка к восстанию окружена полнейшей тайной, — заключил он, почувствовав легкое пожатие руки Мирзы-Чулака.

— Но все-таки, — перебил его сидевший в отдалении Имам-Нияз, — неужели мы не сможем найти средств для привлечения на нашу сторону стрелков Махрама и Музафара? Если нужны еще деньги, то можно полагать, что достать их мы сможем...

— Нет, — ответил Эль-саиб. Там ничего не выйдет, я уже пробовал. Да вы о них не беспокойтесь. Мне кажется, что главную опору в восстании нужно искать

среди горных племен, а отнюдь не в наемных сарбазах.

— Да, Эль-саиб прав, — вмешался в разговор Мирза-Чулак. Но я могу вас, друзья мои, успокоить. Не думайте, что Мирза-Чулак, готовя восстание, одел на глаза розовые очки. Все реформы падишаха использованы нами соответствующим образом. Недавнее волнение в Герате — дело моих людей, распустивших слухи,

что новый эмир издал закон о превращении всех мечетей в народные школы и окончательно воспрещающий многоженство и гаремы. Больше решительности, друзья мои! — возвысил он голос. — Все вы, собравшиеся здесь, — великие ¹⁾ славных родов Афганистана. И вашей священной обязанностью является противодействие противному воле аллаха. Больше терпеть невозможно. Необходимо решительно действовать, тем более, что обстановка последних событий нам крайне благоприятствует.

— А что же мы должны сделать для предотвращения всех этих реформ, неугодных нам? — спросил старик Имам-шир-али-хан.

— Убить эмира! — в один голос воскликнули Мирза-Чулак и Эль-саиб.

— Убить? — усмехнулся Шир-али-хан, — это не так легко, как вы думаете.

— Не так легко, говорите вы? — Мирза-Чулак затрепетал от бешенства, глаза его горели яростью, — не так легко? Нет, простите, друзья. Мы не одни, с нами могущественная сила в мире, сила эта... — он, не закончив, повернулся в сторону бассейна, где на целой горе шелковых подушек сидел майор английской службы Джемс.

— Скажите, дорогой майор, не прав ли я, говоря, что только этой мерой нам необходимо навсегда покончить с падишахом?

Майор Джемс, до сего времени не принимавший участия в разговоре, хрустнул холеными пальцами и потянулся.

— Я полагаю, что план действий, предложенный Мирзою-Чулаком, вполне приемлем, — сказал Джемс. — И глубоко прав мехмандар-саиб, говоря, что это единственный путь к благополучию вашему и вашей страны. Я должен сказать, что правительство его величества весьма заинтересовано дружественными отношениями с соседним с ним государством. В настоящее время этого нет. О, ваш эмир ведет страну к разгрому и не хочет слушать наших советов... — Джемс остановился перевести дух. Тонкий дипломат подыскивал решающую фразу... — Для того, — продолжал он, — чтобы в корне прекратить создавшееся нехорошее положение в вашей стране, я подтверждаю свои слова, сказанные вчера мехмандару Мирзе-Чулаку, но это секрет, который мы должны хранить, как свою жизнь. От имени его величества я обещаю материальную поддержку, и вот это прошу принять в залог вашего успеха! — С этими словами Джемс поднялся со своего мягкого ложа, вынул из бокового кармана френча объемистую пачку банковых билетов и положил ее на ковер перед Мирзою-Чулаком. Кивнув всем присутствовавшим, он круто повернулся на каблуках и, гремя шпорами, пошел к выходной двери. Два черных телохранителя последовали вслед за своим господином...

Джемс ушел и заговорщики, наконец, могли сбросить маску приличия...

— Молодец англичанин! — не вытерпел Шир-али-хан. — Этого хватит купить весь Кабул.

¹⁾ Сарбазы — пехотинцы, вольнонаемные.

²⁾ Хайберский перевал — ворота в Индию, известен тем, что в 1919 г. во время войны за независимость Аманулла-хан наголову разгромил под ним английские войска.

³⁾ Моулен-Неджер-Али — известный индусский революционер-националист, воспитывал Аманулла-хана и с ним несколько человек афганской молодежи. Был заточен в форт Макин за революционные идеи, где и находился до свержения Хабибуллы.

¹⁾ Мелик — родоначальник.

— Так вот, друзья мои! — воскликнул Мирза-Чулак. — Дело восстания — дело последних двух дней. Усилим нашу работу. Завтра — первый день томаши ¹⁾. На площади горцев будет весь Кабул. Посылайте в массу народа наших людей. Не скупитесь на деньги, впоследствии вам воздастся сторицей. Наша задача — завтра распустить слух, что падишах тайно продал Афганистан англичанам. О, афганский народ доверчив; разгневанный, он сотрет с лица земли неверного эмира и всех его приспешников. Теперь осталось одно: среди нас избрать нового падишаха и объявить Аманулле священную войну.

— Тебя, Мирза-Чулак! Тебя, светлый луч старого Афганистана, избираем!

— Зейде-бад ²⁾ Мирза-Чулак! Зейде!! — раздались возгласы заговорщиков.

— Иншалла, я согласен... — задыхаясь от волнения, проговорил Мирза-Чулак.

II. Аманулла-хан.

Последний крик муэдзина раздался в сумраке ночи и, подхваченный свежим ветерком, был унесен к подножью мечети, где, расколовшись на тысячи отголосков, замер, ударившись о пыльную мостовую Кабула. Ночная мгла опустилась на город и окутала его черным покрывалом. Казалось, что город спит и только неведомые, таинственные звуки, которые слышатся только лишь на Востоке, завершали картину южной ночи. Звуки эти, как казалось, неслись из самых недр Кабула и перекликались эхом по окраинам его.

— Бу-бу-бум... — слышалось как будто из-под земли.

— Ба-ба-бам... ба-ба-бам... — откликалось сверху. Но, пристально взглядевшись, можно было увидеть на некоторых наиболее высоких плоских крышах построек мусульман с лицами, иступленно обращенными к небу. В руках у них — маленький медный таз или подобие барабана. Ударяя ладонью по туго натянутой козлиной коже, они-то и производят жуткие, таинственные звуки, нависшие над городом.

Сегодня последний день уразы. Завтра томаша и поэтому молящиеся еще иступленнее начинают бить в барабан, полголоса напевая восточную молитву.

¹⁾ Томаша — празднество, веселье.

²⁾ Зейде-бад — „Да здравствует!“

С главного минарета города отчетливо звонко прозвучало 10 ударов гонга.

«Неужели уже десять?» — подумал Махрам-хан. Взглянув на часы, он поверил гонгу.

— Да, десять, пора идти к эмиру, — проговорил он. И поднявшись из-за стола, стал одеваться. Выйдя на улицу, Махрам быстрыми шагами направился к цитадели. Занимая видное положение в стране, он все же шел один, считая излишним брать с собою конвой. «Пусть подобная роскошь будет у майора Джемса. Бедняга и днем никуда не показывается один. Да, собственно, отчасти он прав. Вполне естественно, что появление на улице англичанина приводит в бешенство каждого честного афганца».

Пройдя базар и обогнув бассейн, он подошел к цитадели. Часовые беспрепятственно пропустили его. Поднявшись на второй этаж, он остановился подле двери, ведущей в комнаты эмира.

В это время тяжелая портьера, закрывавшая собою дверь, поднялась и на площадку лестницы вышел личный адъютант падишаха юный Иль-баши.

— Приветствую вас, Махрам-хан-саиб, — проговорил Иль-баши, вытянувшись в струнку. — Чем могу быть полезным?

— О, весьма немногим, Иль-баши, — ответил кавалерист. — Доложите Эмиру, что я пришел с вестями, не терпящими отлагательства.

— Чашм ¹⁾, сердар, — и Иль-баши, ловко повернувшись, скрылся за портьерой.

— Пожалуйста, саиб, — прервал его размышления Иль-баши, учтиво приподняв портьеру.

Махрам вошел в кабинет эмира. Аманулла сидел за письменным столом. На вид он был среднего роста и сильного сложения. Небольшие усы, широкий лоб, правильные черты и свежий, здоровый цвет лица, подернутый загаром, придавал ему твердую, энергичную осанку. Большие черные глаза с быстрым проницательным взглядом свидетельствовали об энергии и непреклонной воле.

Увидя входившего Махрама, падишах, поднявшись с кресла, приветливо пошел ему навстречу.

— Очень рад видеть тебя, старый друг, — сказал, протягивая руку, эмир. — Садись, — продолжал он, — у меня есть кое-что но-

¹⁾ Чашм — сию минуту.

вое, о чем я хочу посоветоваться с тобою.

— Но, падишах...

— Оставь, — перебил его эмир, — ты знаешь, как я не люблю ничего напыщенного, и тем более слышать это от старого друга. Неужели уже забыл, как подсыпали вместе перцу в табакерку Недже-ра-Али?..

Махрам расхохотался.

— Покоряюсь, но только разреши мне сказать, что, пожалуй, мои новости будут посерьезнее твоих...

— Чем же ты хочешь меня порадовать, Махрам? — воскликнул падишах.

— В том-то и горе, что в моих словах не будет ничего радостного, — ответил Махрам.

— Ну, говори скорее, в чем же дело?

— Видишь ли, готовится очередной трюк. Наши старики опять готовят восстание, но на этот раз дело будет, пожалуй, более серьезное, чем в двадцать первом году...

— А кто во главе заговора? — перебил его эмир.

— Как будто бы Мирза-Чулак... — ответил Махрам.

— А, педер-сэк ¹⁾.. — не вытерпел эмир, — экая жалкая скотина, никак не может расстаться со своим гаремом, старый развратник... Ну, хорошо, ты на всякий случай прими меры, усиливай караулы цитадели. В том случае, если дело примет плохой оборот, мы ее используем, как опорный пункт... А когда предполагается восстание?

— Вот этого-то я никак выяснить и не мог. Должно быть, после праздников. В общем завтра я постараюсь разузнать все более точно.

— Ну, ладно, Махрам, — продолжал падишах, — в отношении заговорщиков пока что никаких репрессивных мер принимать не будем; постарайся завтра к вечеру все детально выяснить, после чего мы пополним достойную кампанию форта Макин новыми представителями мошенников старого Афганистана... А теперь я тебя познакомлю с моими новостями, которые действительно несравненно отраднее твоих... — С этими словами эмир открыл настольный Сювар и, вынув из него карту, разложил ее на столе.

¹⁾ Педер-сэк — дословно — собачий сын. Персидское ругательство. Афганцы говорят на иранском языке «пушту», но широкое распространение имеет персидский язык.

— Вот, смотри, — продолжал он. — Здесь мы строим новый город — Дар-уль-Аман. От него до Кабула около одного таша ¹⁾, а до границы Русистана ²⁾...

Неожиданный шум за дверью прервал объяснения падишаха и в тот же момент в комнату вошел Иль-баши.

— Разрешите, эмир? Вам срочная радиограмма из Термеза, — доложил он.

— Давайте сюда, Иль-баши, — и, взяв радиограмму, падишах принялся читать ее содержимое...

— Отлично!.. — воскликнул он, закончив чтение.

— А что там такое? — поинтересовался Махрам.

— А, видишь ли, Ибрагим-хан сообщает, что закупленные мною в Германии самолеты прибыли в Термез и по окончании обучения наших пилотов лётному делу придут сюда. Иными словами — меньше чем через две недели армия будет иметь свои самолеты, — воскликнул эмир.

для руководства постройкой железнодорожной сети. Изыскания начнут после окончания томаши. Я думаю в первую очередь пустить одну от Кабулы до Дар-уль-Амана... — И эмир принялся странно объяснять своему другу детства план постройки железно-

жики, баракзай и хильджи, — каждое племя под своим истрепанным знаменем, обожженным в пороховом дыму восстаний и войн. Неприязнь бой барабанов тревожным гулом катился по улицам города...

От пригородов шли мерными тяжелыми шагами рабочие мастерских и фабрик. Эти полупролетариим-ремесленники шли отдельно по цехам. Ружейники и литейщики, текстильщики и токари, они являли собою когорты — первичные ячейки возрождающегося рабочего класса.

Народ все прибывал. Он двигался со стороны Герата, Мазари-Шерифа, Кандагара и Хоста.

Пешие и конные, старые и молодые, здоровые и калеки, — все спешили на площадь, дабы принять участие в празднике независимости Афганистана. В толпе были видны и женщины, не так давно освободившиеся от рубанды и чадура. Теперь это были не жалкие создания, не бесправная принадлежность домашнего обихода,

дорожной сети, долженствующей современем перерезать древний Афганистан, подобно нервам, с севера на юг и с востока на запад...

III. Истеклаль ¹⁾.

— Воображаю, как они напугают наших добрых афганцев? Ручаюсь, будут разговоры, что ты вошел в сделку с самим сатаной, — рассмеялся Махрам.

— Ну, ладно, — сказал эмир. — Мы несколько отвлеклись с тобою, вернее, Иль-баши помешал. Так вот слушай. Сегодня из Русистана прибыли к нам инженеры

Кабул гудел, как улей пчел в яркий солнечный день после дождливой погоды. Толпы народа, переливаясь из улицы в улицу бесконечной пестрой вереницей ярких восточных одежд, спешили на площадь. Над городом стоял гул и гомон всевозможных наречий и криков. Хриплые рожки воинственных диких племен беспрестанно резали воздух. Они шли боевыми братствами: гильзай, кафиры, тад-

покупавшаяся старыми сластолюбцами за известный калым и ценившаяся сообразно молодости и красоте, а полноправные афганки независимой страны Востока. Но все же, несмотря на закон, множество завистливых глаз наблюдали толпу из узких щелей калиток и окон.

Сотни детей, черных и горластых, как галчата, сновали между ног, взбирались на уличные фонари и с пронзительным визгом

¹⁾ Таш — около 8 километров.

²⁾ Русистан — афганское наименование СССР.

¹⁾ Истеклаль — восьмидневный праздник независимости, объявленный Аманулла-ханом.

обрывались оттуда, падая на головы проходящих...

Пестрые толпы народа выливались на площадь. Сарбазы в ярких мундирах выбивались из сил, тщетно стараясь восстановить порядок в этой безудержно идущей лавине.

В это же время на противоположной стороне площади, на трибуне, специально устроенной для праздника, размещался дипломатический корпус. Все места были заняты. Пустовала одна ложа английского посла сэра Добса. Последний казался больным, прислав падишаху преисполненное лести извинение. Неожиданно гулкий пушечный выстрел тяжело упал на город, положив начало празднику «Независимости». Вслед за ним на площадь выехали фанфаристы и протрубили в фанфары...

Как бы в ответ на призыв фанфар за триумфальной аркой прокатился трубный звук и сарбазы вывели на площадь восемь белых слонов. Сазандары с разукрашенными по-праздничному зурнами, обходили площадь, объявляя народу, что в сегодняшних скачках слонов участвует только-что полученный падишахом белый слон под кличкой «Сеид» — победитель сиамских скачек.

Под звуки фанфарного марша слоны, управляемые своими погонщиками, построились в линию у старта. Крайним справа стоял красавец «Хаким»; белая туша с розоватыми ушами лоснилась на солнце, на шее слона красовалась золотая цепь с подвешенным в центре афганским гербом. Победитель всех состязаний заметно нервничал. То и дело перемещая свой тяжелый корпус с ноги на ногу, «Хаким» вытягивал розовый хобот в сторону «Сеида», тревожно обнюхивая воздух. Он чувствовал в этом нсвом пришельце соперника, и погонщику стоило большого труда сдерживать старого слона на установленном месте. Остальные слоны держались спокойно, прядая огромными, как исполинские лопухи, ушами, с видом тупого безразличия к окружающему.

Взвод сипаев промчался по площади, тесня лошадьми наседавший народ. Наконец, беговая дорожка была очищена от любопытных и по удару в гонг слоны двинулись от старта. Первый круг они шли вместе, — погонщики берегли силы животных... Частый тяжелый топот гулко оглашал притихшую пло-

щадь... Неожиданно дикий рев толпы потряс воздух. Слоны пошли последний круг. Впереди всех на полкорпуса бежал мягкой рысью «Хаким». Вытянув хобот вперед, он покачивался в такт рыси своим огромным, тяжелым телом... Но вот слоны достигли половины последнего круга и в тот же момент погонщик «Сеида» нанес ему ко-

роткий удар между ушей. Обезумев от боли, слон рванулся вперед и опередил на корпус «Хакима».

— Вперед, «Хаким»!.. Вперед, шайтан-сек!.. — неистовствовала толпа, поставившая ставку на «Хакима».

Но старый слон и так прилагал все усилия, чтобы нагнать потерянное расстояние. Вытянувшись, не смотря на всю свою грузность, он, казалось, не бежал, а влетел к финишу, не ступая на землю ногами. Но маленький «Сеид» не сдавал, продолжая итти впереди. Тогда, видя, что конец круга бли-

зок, «Хаким», вытянув хобот, схватил «Сеида» за хвост, одним могучим броском подмял его под себя и с диким трубным воем принялся топтать ногами соперника...

Попытки сарбазов отнять у «Хакима» его жертву окончились неудачей, и слон продолжал месить свою жертву, пока та не превратилась в кровавую массу.

Окончив дикую расправу, обезумев от запаха крови, «Хаким» бросился с площади, сокрушая все, попадавшееся ему на пути. Притихшая толпа с ужасом наблюдала, как взбесившийся слон в мгновение ока растоптал двух попавшихся ему под ноги сарбазов, превратив их в кучу костей и лохмотьев мяса. Метнувшись к выходу с площади, слон зацепился за триумфальную арку и с грохотом повалил ее на землю. Испустив победный вой и обратив в бегство попавшуюся ему на пути толпу гавасов, он скрылся в узких улицах города.

Между тем заговорщики не теряли времени даром. На окраинах площади, где не видно было сипаев, поднятые на плечи муллы перекликались с народом. Исступленные голоса лицемеров бросали в толпу дерзкие фразы...

— О, правоверные!.. Мы гневим аллаха, забывая мечети... Падишах заблудился в советах неверных ференги. Он хочет продать нас и нашу старую веру... Поправший законы страны недостойн быть нашим эмиром...

И только при виде сипая под гул одобрения муллы скрывались в толпе, чтобы в другом месте сеять смуту и ложь...

Но не везде муллы имели успех. Гильзаи и хильджи прогнали их вон, не смея верить, чтоб эмир, рука-об-руку с ними бивший в бою под Хайбером ненавистных ференги, мог войти с ними в сделку.

Однако, на улицах города, чайханах и кэбавнях шипел грязный, пропитанный ложью слух... Он ширился, рос и передавался из уст в уста, внедряясь в народные массы, захватывая в свои лапы добродушных афганцев...

И когда ночная мгла падала на город, подобно черному занавесу, в темных колодцах переулков и улиц копошились группы людей... Заговорщики могли ликовать: афганский народ поверил их лжи...

(Продолжение в следующем номере).

Очерк В. Тризна.

1. Удивительная овечка.

— Когда плод этого замечательного растения раскрывается, из него выходит маленькая овечка с пышной мягкой шерстью. Я ел ее мясо и оно оказалось чрезвычайно вкусным.

Так говорил англичанин, не знавший, что такое хлопчатобумажная ткань, не видавший хлопкового поля. Он верил сам и других заставлял верить этой легенде.

Несколько столетий европейцы повторили небылицы о хлопчатнике — полурастении, полуживотном, которое дает такое нежное руно.

Но рядом с этой живучей легендой начинает расти легенда действительной жизни.

Сначала непомерной трудностью казалось возделывание хлопчатника. От богов ждали помощи люди. Редкой роскошью бывала бумажная одежда.

В Египте одеяния из хлопка носили жрецы.

В Риме хлопчатобумажными тканями, как крышей, прикрывали театр во время игр в честь Аполлона.

Из древней Индии хлопководство просочилось в соседнюю с ней Персию, а затем в Аравию. Познакомились с ним греки и снабдили тканями римлян. Через Италию Восток связался с Западом. В то же время кругосветные мореплаватели открыли дикую, но самостоятельную обработку хлопка в Америке. Так разворачивалась история хлопка.

Долгое время хлопок садили для украшения, как декоративное растение. Долгое время в некоторых странах только привилегированные люди имели возможность носить хлопчатобумажные одежды. Было время, когда из хлопка представители народов не умели делать ничего, кроме лаптовых фитилей.

И только с середины XVIII века в связи с изобретением прядильной машины, механического ткацкого станка, паровой машины — возделывание хлопка, а главное — его обработка перестают быть экзотикой, становятся неотъемлемой частью действительности, а старые сказки уходят в прошлое.

2. Под синим небом.

В апреле, когда на юге весенняя земля становится радостной и теплой, хлопководы сыплют в разрыхленные борозды небольшие ярко-зеленые семена. В октябре, когда по утрам иногда бывают заморозки, а паутина низко опускается на выгоревшую траву, с засыхающих кустов из раскрытых коробочек они собирают белое волокно.

Шесть месяцев непрерывных наблюдений и работы, 10 вспашек, пока земля не станет совсем мягкой для хрупкого пролезающего росточка. Нужна целая система каналов, ибо искусственным орошением живет хлопковое поле. Требуется бесчисленная чистка поля от сорных трав, мешающих хлопку. Хлопок имеет массу неожиданных маленьких и больших врагов.

Пока ростки молодые, нежные, свежие, в жаркую погоду на них набрасываются долгоносики и чернотелки, жучки, живущие на лебеде и солянке, вблизи хлопкового поля. А если поле слишком обильно залито водой, на корневых мочках растения появляется хлопковая тля и тогда к середине лета хлопчатник побледнеет и сбросит листья.

Когда кустик подрастет, ему начинают грозить новые опасности. С ветром могут налететь паутинные клещики. Невидные, крохотные, они усаживаются на листьях, опутывая паутиной все растение. А в коробочках, завязавшихся после цветения, может поселиться хлопковая моль, которая выест содержимое коробочки.

Росло и уже окрепшее растение часто погибает от цепких объятий повилики, которая высасывает его жизненные соки. Наконец, саранча, тучей налетающая на поля, может пожрать весь хлопчатник без остатка.

А если летнее солнце переходит предельную для хлопчатника температуру и начинает печь чересчур сильно, — этот любитель солнца «цепенеет, не растет, не питается и, возможно, даже надлежащим образом не дышит».

Мало пользы приносят слишком яркие и жаркие летние дни. Тогда плохо идет ночной рост хлопка. Ведь

хлопок растет ночью. Когда в черноте сверкают огромные южные звезды, когда вся земля, отходя от жары, поет и шепчется — заливаются трелями неугомонные лягушки, щебечут соловьи, звенят сверчки и от цветка к цветку летают таинственно жужжащими аэропланами большие ночные бабочки. Тогда растет хлопок, невидимо и чудно.

Хлопок может цвести очень долго. На одном кусте встречаются и бледно-желтые, нежные, похожие на мальву цветы, и зеленые бутоны, и уже почерневшие, трескающиеся коробочки. Поэтому собирать волокно можно в разное время.

Первый мороз останавливает созревание полуоткрытой коробочки. Волокно, полученное из нее, — второго сорта. Другие, еле открывшиеся коробочки снимают с кустов, чтобы они вызревали в тепле жилых помещений. Но, как дыня, сорванная незрелой, теряет свой аромат и сладость, так и волокно искусственно дозревших коробочек не может сравниться с естественно вызревшим и идет в третий сорт. Бывает и четвертый. Совсем нераскрытые коробочки высушивают и бьют палками. Они раскрываются, а в них находят белое вещество, почти непохожее на волокно, как гусеница не похожа на взрослую бабочку.

Чем ровнее температура летнего периода, тем лучше и крепче куст хлопчатника с зелеными лапчатыми листьями, с прозрачными цветами, краснеющими перед увяданием, с пышно вылезающим зрелым волокном.

А оно — тоненькое-претоненькое. Если начертить на бумаге линию длиной в один сантиметр и уложить поперек нее одно к другому волокна хлопка, то на этом пространстве поместится их от 450 до 500 штук. Чем зрелее, длиннее и тоньше волокно, тем дороже оно ценится.

Сколько волокон нужно на поле, покрытое белеющим хлопком! Сколько их нужно на миллионы пудов хлопка, которые добываются со всех хлопковых полей во всем мире!

3. Пена превращается в камень.

Медленно движется караван верблюдов. Покачиваются громадные взбитые подушки — мешки с хлопком. Из всех дыр и щелей белой пеной лезет волокно. Оно еще неочищенное, грязное, тяжелое, полное семян.

Когда-то в Индии очищала волокно небольшая деревянная «сучка». Теперь машина джин может заменить сразу 360 «сучка».

Опене треплет хлопок на мелкие клочки, очищает от мусора.

Когда-то перебирали волокно руками. И теперь еще некоторые туземные народы делают это. За неделю целая семья, в свободные часы работая над хлопком, очищала 4—5 фунтов волокна. Теперь джин может за сутки очистить до 720 пудов.

А поэтому идут и идут нагруженные верблюды в распахнутые ворота хлопкоочистительного завода. Горы курчавого

Кард-машина расчесывает хлопок, выделяет короткое волокно и мусор.

хлопка лежат на помостах, груды мешков принимаются и считаются в сортировочном отделении.

Быстро сжимается рука старика-сортировщика. На ощупь, сразу, без ошибки определяет он сорт волокна. И после разбора по качеству эту курчавую,

Банкоброш вытягивает ленту и производит для крепости крутку. Выпускает ровницу, намотанную на катушку.

капризно разлезавшуюся пену сваливают в пневматическую трубу и она поднимает хлопок на джин.

Как буфеты с раскрытыми дверками, стоят джины. И видно, как в них сколь-

зят обрывки хлопка. Вверх поднимается очищенное волокно, вниз из-под пил сыплются зеленые семечки. В хлопке их много. Потому-то из 50 килограммов сырца получается всего 16 килограммов волокна.

Освободившись от семян, волокно еще больше вспенивается, еще пышнее и легче поднимается. Затем пушистая масса попадает в прессовальный ящик. Под прессом пухлая, рыхлая, высокая (в три метра) масса разом сплющивается в половину и выходит из-под пресса твердой, как камень.

120—130 таких кип выпускает в сутки небольшой хлопкоочистительный завод. Кипам, стиснутым обручами, предстоит длинный путь на север, чтобы превратиться в ткань.

Семена хлопчатника набиваются в тугие мешки и отправляются на обработку. Восемьдесят различных предметов вырабатывается из чистого хлопкового семени или из примеси его.

А лучшие семена отдадут опять земле — для нового урожая.

4. Струящееся волокно.

На фабрике распечатывают тяжелые, неповоротливые кипы, разрывают слежавшееся волокно и бросают его в трепальную машину. Ведь прессовали его

Ватер-машина вытягивает и скручивает ровницу до нужного номера. Выпускает пряжу, намотанную на бумажный патрон.

только для того, чтобы везти. Трепальная машина разбирает хлопок по сортам. От нее идут длинные металлические конвейеры с волокном. С нее слетают отдельные волокна и кружатся в воздухе, залезают в нос, в горло, облепляют электрические лампочки.

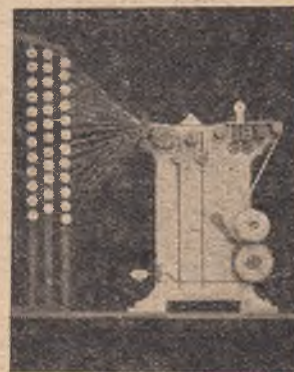
На глаз волокно кажется совершенно чистым, но вот машина, которая высасывает из него грязь, — под ней гора земли и пыли. А волокно неровным курчавым холстом движется дальше. Его будут чесать. Чесальный процесс — душа производства. Плохой прочес — плохая пряжа, плохая материя.

Громадный шершавый барабан ползет по хлопковому холсту. Сбрасывает очески — «угар», подравнивает капризные волокна. Из-под него нежной шелковой паутинкой, легким кружевом выходит волокно. И движется все дальше, струится, вытягивается. Из паутинки сворачиваются круглые мягкие ленты, из лент тянется ровница, из ровницы — пряжа.

Когда-то пряжу вытягивали из клочка хлопка руками. Потом изобрели прялку, колесо, которое вытягивает нить. За прямой пелой свою песню Маргарита в «Фаусте». За прямой просиживали часами восточные женщины. Медленно, обрываясь, вытягивается из клочка волокна пряжа, накручивается на вер-

тенце и так же медленно, в такт по скрипящему колесу поет пряжа свою песню.

А здесь, на фабрике — непрерывный жужжащий шум веретен, грохот машин.

Сновальная машина подготавливает основную пряжу для ткацкого станка.

Веретена мелькают, словно мигающий кинематографический экран. Каждое веретено делает 9.000 оборотов в минуту. Бежит, вытягивается из толстого в тоненькое, непрерывно струится ставшее таким эластичным хлопковое волокно.

На всем земном шаре обработкой хлопка в пряжу занято около 120 миллионов веретен. На всем земном шаре одинаково стучат и грохочут прядильные машины. Под звуки новой, индустриальной песни рождается пряжа.

5. Три метра в час.

Как белые гусеницы, лежат приготовленные початки пряжи. В мотальном отделении пряжу с початков наматывают на катушки. Крутится машина, бегут ниточки. Початок худеет, катушка становится неуклюжей и толстой. А работница следит за каждой движущейся ниткой, подхватывает оборвавшуюся, связывает и вновь следит.

В сновальном, где просвечивающей ширмой стоят шпулярники, с пяти сот маленьких катушек наматываются нити на один сновальный вал. Легким узором проскальзывают нити из шпулярника и параллельно, ровно наматываются на громадную катушку. Тут человеку не уследить за ними, и машина останавливается сама лишь только оборвется

Ткацкий станок переплетает нитки основы с нитками утка, создавая ткань.

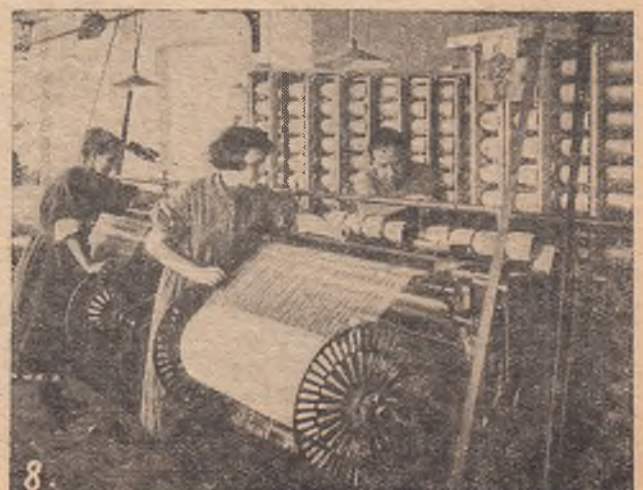
одна ниточка. Некрепкие, ненадежные ниточки — это пока только вытянутые волокна. Чтобы укрепить их, наматывают с вала на вал, промачивают в клейко-картофельной массе, просушивают и тогда уже отправляют на ткацкий станок.

1. Работница несет валы хлопкового "волокна".
2. Собираение хлопка.
3. Курчавым холстом накручивается хлопок.
4. Пряжа наматывается с початков на катушки.

5. Сменяет катушки.
6. Ленты ровницы выплывают из машин.
7. На больших валах проклеиваются нитки основы.
8. Оборвалась нитка сно-вального вала, остано-вилась машина.

Вся история ткацкого производства — в истории ткацкого станка. Египтянка ставила перед собой раму с натянутыми нитями основы и рукой продергивала челнок с утком. Современная киргизка садится у станка на землю и тоже руками медленно прокладывает уток — поперечную нить, переплетающуюся с основой. Механический ткацкий станок работает в шесть раз быстрее ручного. И все-таки в час выползает из него только три метра ткани. А сколько часов предварительной работы занимает окраска ниток для цветных тканей, переборка их руками для полосатых и узорчатых рисунков. Сколько шуму в этих помещениях, где механически правильно бегают машинные руки, приводные ремни и ткацкие клавиши. Сколько напряженного внимания к оборванной нити, сколько лишних движений со сменой утка.

Но это — ступень, через которую люди уже проходят. В Америке ткацкое производство все больше и больше механизмуется. Станки автоматически сменяют челнок, над остановившимися станками красным сигналом зажигаются электрические лампочки. Ткач работает за 30 — 32 станками, а с мальчиком-помощником он справится и с 50-ю. Все меньше и меньше людей на этом трудном производстве. Скоро, верно, под шум станков спокойно и точно будет работать какой-нибудь механический человек-автомат.

А как протестовали кустари-ткачи, когда появились первые, еще несовершенные машины! Прядильную машину Гаргривса ткачи разбили, взбешенные тем, что она отняла у них заработок...

6. Ситцевые метаморфозы.

— Дайте мне чего-нибудь веселенького.

— Ах, зачем такой пестрый ситец!

— Мне по белому фону черные разводы.

— Что-нибудь такое, знаете...

И вот желтоватые, похожие друг на друга куски суровой ткани проходят бесчисленные метаморфозы, чтобы угодить требовательному покупателю.

Сначала их палат, как палат гуся перед тем как жарить. В газовой палатке иной раз спаливаются без остатка полотна ткани. К ней трудно подойти, и в стеклышко видно, как над раскаленной плитой проскальзывает ткань.

Дальше сменяются отделения за отделениями.

В одних, как в прачечной, пахнет мокрым бельем и в громадных чанах грузно лежат намокшие неповоротливые ткани. В других, белые, крахмальные, уже сухие, сползают с валов готовые полосы бельевой ткани. А там, где набивают рисунки на ситце, там едко пахнет анилиновыми и другими хими-

ческими растворами. Там с вала на вал пробегают полосы разрисованных тканей, — то пестро-голубых, то синих, то простеньких, в одну зеленую или серую полосочку. Рабочий следит — не смазался ли рисунок, не осталось ли белое пятно, хорошо ли работает гравировальный вал. Ведь над рисунками там, наверху, работали художники, вырисовывая замысловатые узоры. Эти рисунки увеличили в камер-обскуре, перевели на цинк и сложной машиной, где с двух сторон ходит режущая стрелка, навели гравировку на медный, покрытый восковой массой вал. Потом его травили в зеленой едкой азотной кислоте, чтобы тонкая гравировка влезла в медь. А здесь он окунается в ванночки с красками и наносит рисунок на девственную ткань.

Крутятся валы, качаются, как качели, выплывают и накручиваются белые и отпечатанные ткани и уходят вверх — сушиться. Но они еще не готовы. Их еще будут запаривать, чтобы выявить бледный рисунок, чтобы на синей тусклой материи вдруг радужно заулыбались зелено-желтые и оранжевые узоры, чтобы темные невидные горошинки стали белыми и прозрачными.

Дальше опять пахнет мокрым бельем, опять в чанах и котлах промываются уже цветные материи. Сушатся и бегут дальше. Из крахмалки выходят они твердыми, красивыми, но без блеска.

Тогда их пускают на вал, покрытый слоем воска, и они приобретают нарядный глянец. Но они съезжились пока мочились и сушились, их растягивают на особых ширительных машинах. И только тогда, после машины, отсчитывающей метры, ситцы идут в кладовые, а из них — на рынок.

7. „Аksamиты драгие“ и синяя блуза.

Земля опоясывается железнодорожными путями и телеграфными сетями, самые отдаленные деревеньки связываются со столицами. Уже далекими становятся те времена, когда каждая семья ткала на себя одежды, когда знатоки ткачи кропотливо и долго работали над «аксамитами драгими» — узорчатыми шелковыми, расшитыми золотом и серебром тканями. Их носили князья и бояре. Их находят в старых гробницах и бережно сохраняют в музеях. Это было производство для немногих.

Проходит время, когда фабрики сосредоточивали свое внимание на выработке изысканно тонкой пряжи, на отделке дорогих тканей. Республика требует выработки громадного количества красивых, прочных, дешевых тканей.

Необходимо использовать каждое волокно, отбрасывающийся угар, скверные сорта хлопка. Ничто не должно пропасть.

Не «аксамиты драгие», а синюю рабочую блузу, ежедневную одежду, красивую, крепкую и недорогую требует жизнь.

И уже говорят специалисты о возможности «одного волокна — одной машины» в прядильно-ткацкой промышленности. Уже проводится удешевление и стандартизация ткацких товаров.

В годы мировой войны наша текстильная промышленность то сокращалась, то порывисто, лихорадочно расширяла производство. В гражданскую войну, когда промышленные центры потеряли связь с сырьевыми базами, остановились и пустовали фабрики. С новой экономической политикой, с общим подъемом промышленности возродилось и текстильное дело.

Стали восстанавливать и чинить оборудование и спешно изготавливать ткани, чтобы одеть население. Крестьяне законно требовали за хлеб фабричные изделия, горожане хотели снять старые заплатки.

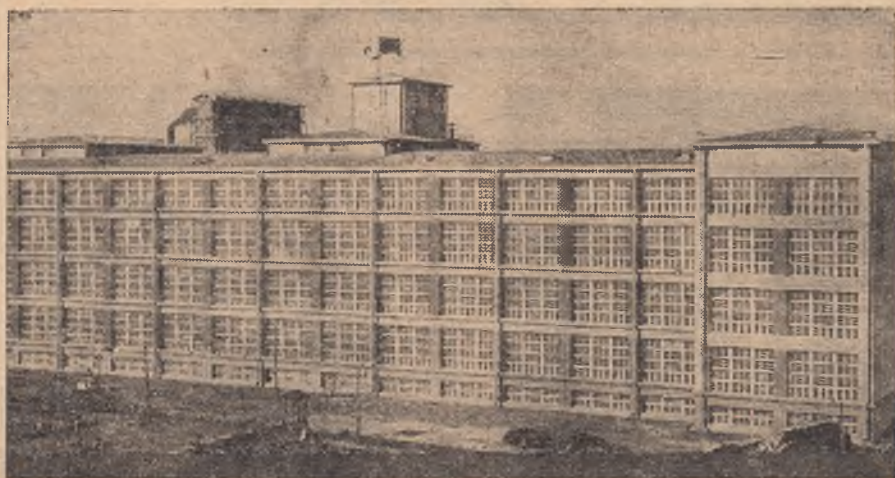
Напряженно забился пульс промышленности. Недостаточно было восстановить старое, надо было научно организовать труд, учиться новому, ставить вопрос о замене старых станков, об увеличении числа веретен, о небывалой до сих пор вещи — о русской машине, и теперь каждый день приносит радостные вести о новых и новых достижениях в области текстильной промышленности.

Требуется одно — обеспечить фабрики сырьем отечественного происхождения.

Нужно изыскивать новые пункты разведения хлопчатника, нужно улучшать обработку старых. Может, родина хлопководства Индия явится в XX веке заместительницей Соединенных Штатов, переживающих кризис хлопкового дела. Может, Египет — родина лучшего в мире хлопка — сумеет изжить болезни хлопководства и даст урожай, достойные солнца Африки. Или завоеует себе будущее волокно перуанского хлопка, идущее вместе с шерстью на шерстяные ткани. Или в Средней Азии, в Туркменистане и Уз-

бекистане, сейчас страдающих от безводья, явится оросительная вода и богатейшие урожаи даст их песчаная почва?

Хлопковый пояс, обнимающий весь земной шар с 42° северной широты по 20° южной, уже не удовлетворяет мир. Идет борьба за хлопковые плантации за рынок сбыта. «Белое золото» грозит посорить мир.

Трикотажно-чулочная фабрика „Красное Знамя“ — самая большая текстильная фабрика в СССР.

Билль-копилька

Рассказ Джекобса.

Рис. Г. Фитингофа.

— Да, — сказал старый Пирсен, — даже моряка можно приучить делать сбережения. Пример тому — Питер и Дик. Им так надоело растрачивать весь свой заработок в первую же неделю по возвращении из рейса и затем отправляться в море раньше времени, что они поклялись быть умнее.

Они шли на пароходе из Мельбурна, когда решились на это, и Билль Ланн, самый старый кочегар на борту и единственный трезвенник среди команды, надавал им целую кучу подходящих советов. Все трое хотели снова поступить на этот пароход, когда он опять выйдет в плавание из Лондона, и Билль предложил в конце-концов Питеру и Дику поселиться на берегу всем вместе и передать ему их деньги на хранение, с тем, что он будет им ежедневно выдавать некоторую сумму на расходы.

Дик и Питер расхохотались бы над всяким другим при таком предложении, но они знали, что старый Билль — на редкость честный человек и их деньги будут у него в полной сохранности. Потому, обсудив дело со всех сторон и наговорившись обо всем этом досыта, они составили бумагу, в которой написали, что по собственному желанию дают Биллю весь свой заработок с условием, чтобы он выдавал им деньги понемногу все время, пока они будут на берегу.

Так они и сделали, когда сошли с парохода в Лондоне. Получив жалованье, — каждому причиталось немногим больше шестнадцати фунтов, — они оставили себе мелочь, а остальное вручили Биллю.

Первый день Дик и Питер были страшно довольны. Старый Билль нанял для всех троих чудесную комнату, и Дик и Питер, выпив всего по две бутылки пива, из уважения к Биллю выпили еще по стакану чая, а затем все отправились в кинематограф.

Картина называлась «Гибель пьяницы» и начиналась с того, что молодой парень попадал в уютную, красиво обставленную пивную, где хорошенькая служанка подавала ему стакан эля. Стакан постепенно стал сменяться бутылками, а потом кувшинами, и когда Дик увидел, как погибший молодой парень убрал шесть кувшинов в полминуты, его охватила такая бешеная жажда, что он не в состоянии был больше сидеть и шепнул Питеру:

— Пойдем скорей отсюда.

— Вы не увидите самое интересное, если сейчас уйдете! — шопотом сказал ему старый Билль. — В следующей картине лягушки и черти будут сидеть на краях кружки, когда он будет подносить ее ко рту.

Но Дик уже встал и кивнул головой Питеру.

— А после того он зарежет свою мать бритвой, — уговаривал старый Билль, держа Дика за пиджак.

Дик снова сел и, когда убийство совершилось, сказал, что ему делается дурно от такого ужаса, и вышел вместе с Питером, чтобы подышать свежим воздухом.

Словом, они выпили по три бутылки пива в ближайшем же кабаке, затем двинулись в другой и совершенно забыли о Билле и «Гибели пьяницы» до того момента, как Дик увидел, что истратил свой последний пенни. Было уже десять часов вечера.

— Вот что значит слушать трезвенников и смотреть их картины! — сказал он, страшно недовольный, узнав, что и Питер уже истратил все свои деньги. — Мы только начали проводить как следует вечер, а у нас уже нет ни фартинга в кармане.

Они отправились домой в очень скверном настроении. Старый Билль спал на своей постели, и когда они его разбудили и сказали, что хотят сами хранить переданные ему их деньги, он сразу опять заснул крепчайшим образом и так захрапел, что они с трудом могли слышать друг друга. Тогда Питер подмигнул Дик и показал на штаны Билля, висевшие на его кровати.

Дик улыбнулся и тихонько их снял. Питер улыбнулся тоже, но ему не понравилось, что и старый Билль при этом начал улыбаться, как будто видел какой-то забавный сон.

Дик нашел в карманах только одну монетку в полпенни, связку ключей и обломок сухаря. В пиджаке и пальто он нашел несколько измятых листов бумаги, сломанный перочинный нож, моток шпагата и разную другую рвань. Кончив поиски, он сел на постель и вопросительно уставился в Питера.

— Буди его опять, — сказал Питер со злостью.

Дик встал и, нагнувшись над старым Биллем, ухватил его за плечи и встряхнул так, как будто взбалтывал склянку с лекарством.

— Что, пора вставать, ребята? — произнес Билль, спуская ноги с кровати.

— Нет, не то, — ответил очень резко Дик, — мы еще и не ложились. Нам нужно взять назад наши деньги.

Билль спрятал ноги под одеяло.

— Покойной ночи! — произнес он и опять моментально заснул.

— Он представляется, вот и все, — сказал Питер. — Поищем-ка деньги как следует. Они должны быть где-нибудь в комнате.

Они чуть ли не вверх дном поставили комнату, выворачивая все наизнанку, а затем Дик зажег спичку и полез в печку, но увидел только, что ее не чистили целый год, и так вымазался сажей и был так зол, что Питер даже испугался, поглядев на его физиономию.

— Довольно с меня, чорт побери! — крикнул Дик, подбегая к постели Билля и сунув ему под самый нос свой перепачканный сажей кулак. — Ну, где наши деньги? Если вы нам сию минуту не отдадите наши потом и кровью заработанные деньги, я вам все кости переломлю!

— Вот что выходит, когда делаешь вам услугу, — сказал с упреком старый Билль.

— Нечего болтать, — ответил Дик. — Я не желаю с вами разговаривать. Ну, где деньги?

Старый Билль посмотрел на него, затем вздохнул, встал и надел ботинки и штаны.

— Я так и думал, что придется немного повозиться с вами, — медленно произнес он, — но я был готов к этому.

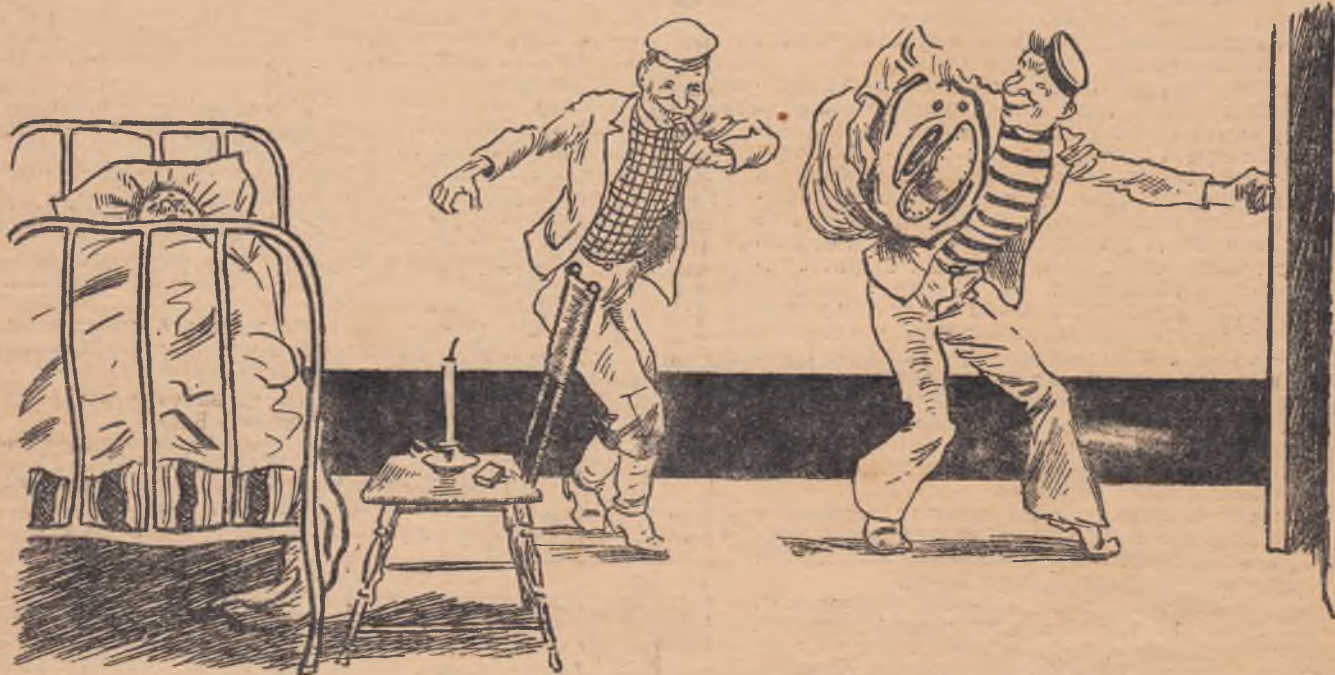
Питер покачал головой.

— Я боюсь повредить вам, Билль, — ответил он мягко. — Возбуждение, как и драка, очень опасны старым людям. Отдайте нам наши деньги и кончим этот разговор.

— Нет, ребята, — сказал тот. — Я взялся хранить их и сохранию. Надеюсь, что когда мы запишемся опять на «Планету», у каждого из вас останется фунтов по двенадцати. Я не собираюсь быть жестоким с вами, но хочу спать, и если мне придется опять встать и одеться, то вы пожалеете, что не умерли до того.

Он лег, и Питер, не обращая внимания на Дика, называвшего его трусом, тоже растянулся на постели и быстро заснул.

Утром они отправились в кофейню, и когда кончили закусывать, Дик, не говоривший до тех пор ни слова, сказал, что ему и Питеру нужны деньги на расходы. Он прибавил, что они хотят кормиться отдельно, так как при виде физиономии Билля у них пропадает всякий аппетит.

— Будет и похуже, чем вы думали, — крикнул Дик, злобно на него глядя, — если не поторопитесь.

— Мы ничего плохого вам не сделаем, Билль, — сказал Питер, — нам только нужны наши деньги.

— Я знаю это и без вас, — сказал Билль. — Отойдите в сторону, Питер, и смотрите, чтобы все шло по правилам. Я сначала покончу с Диком, а потом отколочу и вас.

Он сдвинул мебель в углы, затем поплевал на руки и начал вертеть кулаками в воздухе и подпрыгивать так ловко, что они только рты разинули от удивления.

— Пять лет я не поднимал руку на человека, — сказал он, продолжая подпрыгивать и махать кулаками, — драка — скверная вещь иначе, как для доброй цели, но до того, как я стал настоящим человеком, Дик, я мог до завтрака исколотить трех таких, как вы, чтобы только подогреть свой аппетит.

— Послушайте, — сказал Дик, — вы — старый человек, и я не хочу вас покалечить. Скажите только, где наши деньги, наши, потом и кровью заработанные деньги, и я пальцем до вас не дотронусь.

— Я сам позабочусь о том, чтобы вы не дотронулись до меня, — ответил Билль.

Дик взвыл от злости и бросился на него, но в тот же момент получил такой удар, что полетел через всю комнату и хлопнулся на пол у печки. Такого чисто-лошадиного по силе удара Питер еще никогда не видал, и вид у него был очень серьезный и задумчивый, когда он поднимал Дика.

— Ты должен был не упускать из вида его кулак, — сказал он резко Дик.

Глупо было так говорить, видя силу и мастерство старого кочегара, и Дик сказал ему, что с ним сделает, когда покончит с Биллем. Он опять бросился на старика, но ничего не мог поделать, и через три минуты Питер уже укладывал его в постель.

— Теперь твоя очередь померяться с ним, Питер, — сказал Дик. — Отодвинь немного подушку, чтобы я мог лучше видеть...

— Ну, выходи, паренек, — сказал Билль Питеру.

— Ладно, — ответил старый кочегар. — Я никому не намерен навязываться, — и, усиленно подумав минуту или две, засунул руку в карман штанов и вынул затем Дик и Питеру по восемнадцать пенсов каждому.

— Это что же? — спросил Дик, уставившись выпученными глазами на деньги, — на коробку спичек?

— Столько вы будете получать каждый день, и этого совершенно достаточно, — ответил Билль. — Девять пенсов — обед, четыре пенсы — чай и два пенсы — кусок хлеба с сыром на ужин. А если захотите прямо купаться в пиве, то остается еще по три пенсы каждому, чтобы это сделать.

Дик хотел ему что-то сказать, но был так взволнован, что не смог. Тогда Питер проглотил что-то, чего чуть не сказал, и очень вежливо попросил Билля дать ему sovereign, так как он собирается поехать в Кольчестер к матери и не хочет показываться там с пустыми руками.

— Вы добрый сын, — сказал Билль, — и я бы хотел, чтобы таких было побольше. Я поеду с вами, если вы ничего не имеете против. Мне все равно нечего делать.

Питер ответил, что это очень любезно со стороны Билля, но он предпочитает ехать один, так как его мать стесняется незнакомых.

— Ну, ладно, я отправлюсь с вами на вокзал и возьму вам билет, — сказал Билль.

Тогда Питер не выдержал и стукнул кулаком по столу так, что разбил почти всю стоявшую на нем посуду. Он спросил Билля, не думает ли тот, что он и Дик — маленькие дети, и сказал, что обратится за помощью к первому же полисмену, которого они встретят, если Билль не вернет им сейчас же все их деньги.

— Боюсь, что вы и не собирались ехать к своей матери, Питер, — сказал Билль.

— Послушайте, — закричал Питер, — отдадите вы сейчас нам наши деньги?

— Нет, — ответил тот. — Не дам, если даже вы поползете за мной на коленях.

— Очень хорошо, — сказал Питер, вставая и направляясь к выходу, — в таком случае идемте к полисмену.

— Ничего не имею против, — ответил Билль. — Но у меня есть бумага, подписанная вами, насчет этих денег.

— А хотя бы и пятьдесят таких бумаг, мне наплевать, — сказал Питер.

И они отправились искать полисмена, что было совершенно необыкновенной вещью для Дика и Питера.

— Надеюсь, ради вашей же безопасности, что это не окажется тот самый полисмен, которого вы и Дик поколотили в Оружейном переулке в ночь перед выходом «Планеты» в море прошлый раз, — произнес Билль, цедя слова сквозь зубы.

— Не думаю, — сказал Питер, начиная жалеть, что был слишком болтлив раньше с Биллем.

— Все-таки, если я ему об этом скажу, то думаю, что он быстро найдет того, — ответил Билль. — Вот какой-то показался на углу. Остановить его?

Питер посмотрел на него, затем посмотрел на Дика, и оба направились в противоположную сторону, скрежеща зубами.

Они весь день не отставали от Билля, пытаясь получить у него свои деньги, и проклятия, которыми они его осыпали, изумляли их самих. Ночью они опять перевернули всю комнату вверх дном, разыскивая свои деньги, и снова получили взбучку, когда застелили Билля встать с постели, чтобы ее обыскать.

Они опять завтракали вдвоем на следующее утро, и Дик попробовал на этот раз подойти к Биллю по-новому. Он говорил с ним совсем по-дружески и выпил три больших стакана чая, чтобы показать, что входит во вкус безалкогольных напитков. Затем, когда Билль дал им по восемнадцать пенсов, Дик ласково улыбнулся и сказал, что ему хочется иметь несколько лишних шиллингов.

— Не тревожьтесь, Билль, — сказал он, — я не собираюсь пьянствовать и не буду пить спиртного, если даже вы сами меня попросите. Я совсем потерял к нему вкус. Я ведь говорил уже вам об этом вчера, правда, Питер?

— Да, да, — сказал Питер. — И я говорил, что у меня пропахла охота пить такие вещи.

— Значит, я принес — таки вам пользу, Дик, — сказал Билль, хлопнув его по плечу.

— Да, — ответил Дик сквозь зубы, — и я вам очень благодарен. Я не намерен пьянствовать, но я хотел бы пойти сегодня вечером в мюзик-холл.

— Пойти куда?! — вскричал Билль, сразу выпрямившись с видом пораженного изумлением и глубоко оскорбленного человека.

— В мюзик-холл, — повторил Дик, еле сдерживаясь.

— В мюзик-холл! — медленно произнес Билль. — Да ведь это еще хуже кабака, Дик. Плохой я был бы вам друг, если бы позволил пойти туда. Нет, я не могу даже подумать об этом.

— Да какое вам дело до этого, поганая змея? — заорал тогда Дик, едва не сходя с ума от бешенства. — Почему вы нас не оставите в покое, наконец! Ведь мы же свои деньги собираемся тратить!

Билль попытался его уговоривать, но Дик не хотел и слушать и поднял такой шум, что хозяин выставил его из кофейни. Питер последовал за ним на улицу, и оба были так взволнованы, что потратили все выданные им на целый день деньги в один час, а затем слонялись по улицам, ссорясь из-за того, какую смерть предпочел бы каждый из них Биллю, когда ему придет время умирать.

Они вернулись домой ко времени обеда, но Билля там не было, и так как оба сильно проголодались и еще сильнее хотели выпить, то собрали и снесли к закладчику все свое лишнее платье и белье. Получив достаточную сумму, они специально, чтобы показать свою независимость, отправились в мюзик-холл, а затем истратили все до последнего фартига на выпивку. Вернувшись ночью домой, они нарочно еще долго сидели на постелях и громко обменивались впечатлениями о весело проведенном времени, чтобы позлить Билля.

В пять часов утра Питер проснулся и с изумлением увидел, что Дик, уже совершенно одетый, тихо и бережно скла-

дывает платье Билля. Сначала он подумал, что Дик сошел с ума, видя, как тот заботится об одежде старого кочегара, но прежде чем он успел заговорить, Дик заметил, что он проснулся, быстро подошел к нему и шепнул, чтобы тот оделся быстро и как можно тише. Питер так и сделал и изумился еще больше, увидев, что Дик свернул все платье Билля в большой узел и на цыпочках вышел из комнаты.

— Хочешь спрятать его платье? — спросил он.

— Да, — ответил Дик, спускаясь по лестнице, — у закладчика. Мы заставим старика заплатить за наши сегодняшние развлечения.

Только тогда Питер понял, в чем дело и стал так хотеть, что Дик пригрозил разбить ему голову, если он не успокоится. Но Дик сам начал хотеть, когда они вышли из дому. Пошатываясь по улицам, пока не открылись лавки, они отправились к закладчику и заложили платье Билля за пятнадцать шиллингов.

Для начала они как следует закусили и выпили. После этого, радостно настроившись, они начали весело проводить день. Оба были в самом радужном настроении и больше всего их забавляла мысль о том, что старый Билль лежит в постели, пока они пропивают его платье. Дважды в этот вечер полисмены останавливали Дика за пляску на улице и, когда все деньги были истратены, Питеру стоило больших трудов затащить Дика домой.

Билль был в постели, когда они вернулись, и встретил их невероятнейшей бранью. Но Дик уселся на кровати и улыбался ему так, как будто тот говорил ему самые ласковые слова.

— Где мое платье? — кричал старик, угрожая им кулаками.

Дик продолжал ему улыбаться, затем закрыл глаза, повалился на постель и заснул.

— Где мое платье? — спросил Билль, повернувшись к Питеру.

— Платье? — переспросил Питер, выпучив глаза.

— Где оно? — продолжал кричать Билль.

Прошло не мало времени, прежде чем Питер смог понять, о чем тот говорит, но как только, наконец, понял, сразу бросился на поиски. Хмель действует на людей по-разному, и Питер в пьяном виде делался всегда одним из самых услужливых и обязательных парней на свете. Он провел половину ночи, ползая на коленях по всей комнате и разыскивая по всем углам платье Билля.

Четыре или пять раз старый кочегар просыпался в испуге, думая, что произошло землетрясение, и находил под своей кроватью Питера, продолжавшего поиски.

Никто из них не был в особенно приятном настроении, когда они проснулись на следующее утро. Едва Дик успел открыть глаза, как Билль начал спрашивать его, где платье.

— Не морочьте мне голову с вашим платьем, — ответил Дик, — поговорите для разнообразия о чем-нибудь другом.

— Но где же оно? — кричал Билль, усевшись на постели.

Дик зевнул, порылся в кармане куртки, — ни один из них не раздевался на ночь, — затем вытащил залоговую квитанцию и бросил ее на пол. Билль схватил ее и начал в диком бешенстве прямо плясать по комнате.

— Вы заложили мое платье?

заорал он угрожающе, когда перевел, наконец, дух.

— Да, я и Питер, — ответил Дик, поднимаясь и готовясь к драке.

Билль повалился на свою постель в полном отчаянии.

— Что мне теперь делать? — вскрикнул он.

— Если вы будете вести себя подобающим образом, — сказал Дик, — и отдадите нам наши деньги, то мы с Питером пойдем и выкупим ваше платье. После того как позавтракаем, конечно. Торопиться некуда.

— Но у меня нет денег, — ответил Билль, — они все зашиты в подкладку пиджака. У меня здесь только пять шиллингов. Хорошую кашу вы заварили, Дик!

— Ты форменный болван, Дик, вот что ты такое, — сказал тогда Питер.

— Зашиты в подкладку пиджака?! — медленно произнес ошеломленный Дик.

— Да, кредитки,—ответил Билль.—И три фунта золотом зашиты в шапку. Вы и ее заложили?

— Дик вскочил с постели и начал в волнении бегать по комнате.

— Нам необходимо сейчас же их выкупить! — вскричал он.

— А где деньги на выкуп?—спросил Питер.

Дик не подумал об этом и остановился, как вкопанный, вне себя от ужаса, сообразив, что вышло из его блестящей идеи. Никто из них, казалось, не мог придумать, как и где достать нехватавшие десять шиллингов. А Дик был в таком состоянии, что даже не обращал внимания на то, какими названиями продолжал осыпать его Питер.

— Пойдем и потребуем, чтобы нам показали пиджак, скажем, что мы оставили в кармане железнодорожные билеты, — сказал потом Питер.

Билль с сомнением покачал головой.

— Это не пройдет, — произнес он. — Нам остается только одно: заложить ваш костюм, Дик, чтобы выкупить мой.

— Верно. Это единственное средство, Дик! — воскликнул Питер, сразу просияв и оживившись. — Что за смысл без толку ругаться? Разве тебе тяжелее, чем старому Биллю, посидеть немного без платья?

Но прошло не меньше получаса прежде чем они смогли уговорить Дика.

Сначала он хотел, чтобы заложили платье Питера, а не его, и когда тот показал, что оно слишком изношено и десяти шиллингов за него не дадут, то Дик наговорил целую кучу самых оскорбительных вещей о людях, которые носят такие лохмотья. Только после этого он злобно сорвал с себя костюм и с сердцем бросил его на пол.

— Если ты не вернешься через полчаса, Питер,—прорычал он,

— то пожалеешь, что родился на этот свет. Помани мое слово.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал Билль, улыбаясь, — я сам пойду за платьем.

— Вы? — изумился Дик. — Но вы же не можете. Вам не в чем выйти.

— Я надену костюм Питера, — с новой улыбкой произнес Билль.

Питер начал его урезонивать, доказывая, что в этом нет никакого смысла, но все его усилия ни к чему не привели, и так как залоговая квитанция была у кочегара, то ничего нельзя было поделать. В конце-концов Питер забыл все, что он говорил раньше Дик, с бешенством сорвал с себя платье и бросил его на пол, очень красочно сообщив Биллю, что он о нем думает.

Старый кочегар не обратил на это никакого внимания. Он очень медленно и аккуратно надел костюм Питера и затем чуть не свел их обоих с ума, даром потратив массу времени на уборку своей постели.

— Возвращайтесь как можно скорее назад, — сказал ему Дик, когда он, наконец, собрался уходить. — Подумайте о нас двоих, сидящих здесь в одних рубашках и ожидающих вас.

— Я не забуду об этом, — ответил Билль.

Было девять часов, когда Билль ушел. К половине десятого Дик уже потерял всякое терпение и начал думать, что с Биллем что-нибудь случилось, а когда пробило десять часов и Билль все-таки не показывался, оба высунулись из окна, закутавшись в одеяло, и начали глядеть на улицу. К одиннадцати часам Питер был в совершенно подавленном состоянии духа, а Дик в такой ярости, что Питер боялся заговорить с ним.

Они весь день провели на подоконнике, и только к пяти часам вечера на улице появился Билль, все еще в костюме

Питера. Он нес два больших цветка в горшках и улыбался с довольным видом.

— Где вы пропадали столько времени? — спросил Дик тихо, но свирепо, когда Билль остановился под окном и весело кивнул им головой.

— Я встретил одного старого приятеля, — ответил Билль.

— Встретили старого приятеля? — повторил Дик, еле сдерживая свое бешенство. — Что вы думали, трата так время, пока мы тут сидели и ждали вас, издыхая с голода.

— Я не видел его много лет, — сказал Билль, — и, разговаривая с ним о старине, не заметил, как шло время.

— Очевидно! — произнес Дик горьким тоном. — Ну, ладно, как с деньгами? Благополучно?

— Не знаю! — ответил Билль, — я не выкупил платья.

— Что?! — вскричал Дик, чуть не выпав из окна на улицу. — Так... А что же вы сделали с моим костюмом? Где он? Идите сюда, в комнату.

— Я не пойду в комнату, Дик, — сказал Билль, — потому что не совсем уверен, хорошо ли я поступил. Но я не привык ходить к закладчикам и никак не мог решиться зайти за платьем.

— Что же вы сделали в конце-концов? — проговорил через силу Дик, еле сдерживая свою ярость.

— Пока ходил по улице, стараясь заставить себя зайти к закладчику, —

ответил Билль, — я наткнулся на человека с тачкой, продававшего цветы. Он просил за них не деньги, а только старое платье.

— Старое платье?! — произнес Дик задыхающимся голосом.

— Я думал, что вам будет с ними веселее, — продолжал старый кочегар, поднимая цветы к окну, — неизвестно, сколько времени вы тут просидите в комнате. Вот этот, побольше, для вас, Дик, а другой Питеру.

— Вы сошли с ума, Билль? — проговорил Питер дрожащим голосом после того как Дик попытался что-то сказать, но не смог.

Билль отрицательно покачал головой и улыбнулся. Затем сказал Питеру, что рекомендует чуточку подтянуть на плечи Дик, его одеяло, чтобы он не простудится, и сообщил, что попросит квартирную хозяйку дать им чаю и хлеба с сыром.

Они слышали, как он говорил с хозяйкой у входной двери и затем увидели, что он быстро ушел, не оглядываясь назад.

Билль не вернулся домой в эту ночь, и они поняли, какую штуку он с ними сыграл. Им было ясно, что он их надул, и Питер был уверен, что он вынул деньги из постели, когда возился, делая вид, что убирает ее.

Старый Билль продержал их в комнате трое суток, посылая по частям их платье и два шиллинга в день на расходы. Но они его не видели, пока не очутились снова на борту «Планеты» и получили свои деньги не раньше, чем вышли в открытое море.

Гнев их продолжался недолго и был не очень искренним, так как каждый, в сущности, был доволен, что у него остался в кармане почти весь заработок за прошлый рейс.

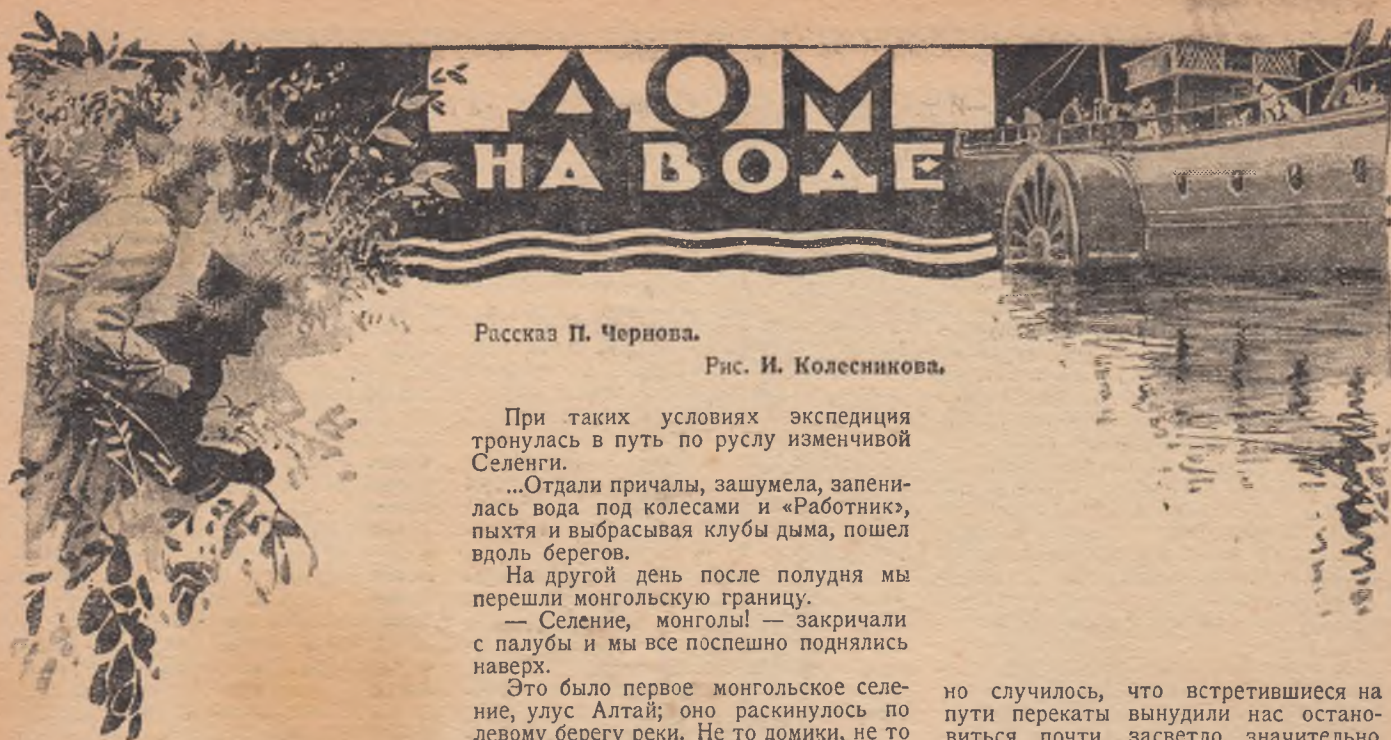
К сведению подписчиков „ВОКРУГ СВЕТА“

Всем подписчикам, подписавшимся до 1 января с. г. на III издание журн. „Вокруг Света“ и изъявившим желание заменить следующие прилож. по III изд. другими книгами, Издательством „Красная Газета“ разосланы:

ЗА ЯНВАРЬ — ШЕКСПИР — «Гамлет», СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ — «Андрей Кожухов» I кн.
ЗА ФЕВРАЛЬ — ВОЙНИЧ — «Овод», СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ — «Андрей Кожухов» II кн.
ЗА МАРТ рассылаются ТЕКЕРЕЙ — «Ярмарка тщеславия I и II кн.

О вновь рассылаемых книгах за АПРЕЛЬ, МАЙ и ИЮНЬ подписчики будут извещены своевременно.

СЛЕДИТЕ ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯМИ в журнале „ВОКРУГ СВЕТА“
Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Рассказ П. Чернова.

Рис. И. Колесникова.

При таких условиях экспедиция тронулась в путь по руслу изменчивой Селенги.

...Отдали причалы, зашумела, запенилась вода под колесами и «Работник», пыхтя и выбрасывая клубы дыма, пошел вдоль берегов.

На другой день после полудня мы перешли монгольскую границу.

— Селение, монголы! — закричали с палубы и мы все поспешно поднялись наверх.

Это было первое монгольское селение, улус Алтай; оно раскинулось по левому берегу реки. Не то домики, не то палатки. Из них выбежали мужчины, женщины, дети. Остановились толпой и с криками испуганно показывали на нас пальцами. Невиданное зрелище!

Знают они безбрежную степь, по которой носятся на своих лохматых скакунах. Знают лошадь, корову, барана. А тут плывет по воде какое-то чудовище, бросает вверх клубы черного дыма, по бокам могучие колеса пенят воду и это чудовище несет на своей спине кучу людей.

И занятно и страшно. Толпа стояла, шумела, но никто не решался приблизиться к воде.

Вдруг из толпы выделился всадник, нагнулся к шее лошади, замахал руками и стрелой помчался по степи.

— Ну, теперь о нас во всех селениях знают будут, а через неделю по всей Монголии, — сказал бурят, ехавший с нами в качестве переводчика.

— Почему?

— Вот увидите, это у них на манер телеграфа. Доскачет он до первого улуса и тотчас расскажет, что видел. А из того улуса выскочит другой охотник и погонит в соседний улус. И так дальше. У них это особой честью считается — привезти какую-нибудь новость своим друзьям и знакомым. Лошадь загонит иной раз, а то встретит табун, — переседет на свежую лошадь и гонит. Как птица летит!

— На чужой лошади? Краденой?

— Зачем? Он свою оставит, а потом — будет возвращаться — вернет.

Мы узнали потом о свойствах этого телеграфа. От Троицко-Савска до столицы Монголии Урги почти 375 верст, расстояние на 5—6 дней пути, но если вы отправились туда, то в Урге будут знать о вашем приезде уже через 2 с половиной дня и при этом и вы и ваши спутники будут описаны со всеми подробностями.

И теперь, действительно, весть о плывущем чудовище далеко обогнала нас. Со всех улусов бежали люди к реке, чтобы поглядеть на нас. И вскоре нам пришлось испытать целое нашествие монголов.

II

Обычно мы приставали к берегу для ночевки тогда, когда делалось совершенно темно и не было возможности делать съёмку и производить промеры.

Всю весну, лето и часть осени 1921 г. соединенные воинские силы Красной армии РСФСР, народно-революционных армий Дальне-Восточной республики и Монголии, к тому времени освободившейся от гнета китайской военщины, вели упорную борьбу с бандами генерала Унгерна.

Для установления бесперебойного снабжения истощенных большими переходами пехоты, изморенных всадников и коней кавалерии надо было найти иные, новые дороги, более удобные, нежели старые монгольские пути. Вот с этой целью по распоряжению центра и была организована военно-научная экспедиция по исследованию рек Северной Монголии.

Исследованию подлежали река Селенга и два главных ее притока — Орхон и Тола, своей системой соединявшие самые оторванные красные союзные части с железнодорожной магистралью.

В первую очередь надлежало исследовать реку Селенгу.

Эта прихотливая река от Байкала до впадения в нее реки Орхона служила бы прекрасным водным путем, если бы не изменчивость ее фарватера, который, постоянно передвигаясь, образует отмели и перевалы, чем мешает правильному судоходству.

И вот в спешном порядке особому отряду было поручено исследовать прихотливый фарватер Селенги до Орхона и далее вдоль монгольских степей.

Наскоро снаряженная экспедиция состояла из 75 человек, из которых девять были военно-научными работниками, остальные представляли технический персонал и охрану, состоявшую из взвода полного состава при двух пулеметах. Иначе и нельзя было, так как по берегам реки Селенги рыскали банды Унгерна.

В распоряжение экспедиции были предоставлены большой колесный пароход «Работник», моторная лодка «Струйка» и два коня. Для связи штабом экспедиция имела полевой телефон, но чтобы связаться со штабом, надо было искать Ван-Куренский тракт, проходивший по правому берегу реки Селенги, что было не всегда удобно, так как расстояние от берега до тракта доходило в иных местах до 25 километров.

но случилось, что встретившиеся на пути перекаты вынудили нас остановиться почти засветло, значительно раньше обыкновенного. С момента перехода границы перекаты неоднократно тормозили нашу работу, но обычно нам удавалось быстро и благополучно, правда, после нескольких неудачных попыток, находить проход либо в перекате, либо в одном из рукавов, которыми изобилует река Селенга. Но на пятый день экспедиции последний встреченный нами перекат оказался без прохода. Осмотру протока мешала приближающаяся темнота. Оставалось ждать утра.

Кругом было тихо. Волны Селенги плескались о борта парохода, левый берег, к которому мы пристали, был густо покрыт высокими кучами облепихи, усыпанной красными, очень красивыми ягодами.

И вот в кустах облепихи, робкими движениями раздвигая ветви, появилась сначала одна отчетливо заметная фигура, прятая в листве свое лицо, затем зашелестевший кустарник выдал вторую, потом третью, четвертую. Вскоре, кустарник ожил на протяжении добрых 50 метров. В глубине берега заржала лошадь, ей ответила другая долгим, прерывистым ржанием. На высоких нотах перекликнулись еще несколько. Берег вдруг оживился.

Таинственные фигуры в кустах еще долго набирались храбрости, пока сразу человек восемь-девять не прорвались за линию зелени и неуверенными, осторожными шагами не стали приближаться к самой реке. Между собой перекидывались короткими фразами, вернее, отдельными словами, из которых яснее всех и понятней выделялись два — «усо гыр». Что этот десяток храбрецов, рискнувших приблизиться к невиданному ими доселе водяному чудовищу, являлся передовым отрядом, — было несомненно. Едва они беспрятственно приблизились к реке, как следом за ними из чащи кустарника вышла целая орда в несколько десятков человек, прошедших расстояние от зарослей до воды в ничем не нарушавшейся тишине, кто с конем в поводу, кто в обнимку с соседом, кто совершенно самостоятельно, слегка помахивая легким, упругим, расщеченным лентами ташуром — нагайкой.

У самого борта парохода толпа вдруг осмелела и неистово загалдела; отдельные смельчаки забегали по бе-

регу вдоль судна, другие, приблизившись вплотную, осторожно, с опаской тыкали пальцами в бортовое железо. Кто приседал на корточки, пытаясь заглянуть в стекла иллюминаторов, кто уже готов был рискнуть перемахнуть через поручни и только дожидался не то сигнала, не то приказа.

Наш бурят подошел к борту и овладел на несколько мгновений толпой, но как только он передал, что гости, приехавшие на «усо-гыр», — что значит «водяной дом», — из соседней свободной России разрешают пяти человекам войти в «дом» и осмотреть его, — поднялось что-то уму непостижимое. Вместо пяти к поручням бросились сразу все. Напрасно кричал переводчик: голос его тонул в восторженно диких возгласах десятков здоровых глоток. Красноармейцы стоявшие у поручней пытались сдержать напивавших: все было безуспешно.

Передние из «наступавших» оттеснили вглубь сдерживавших их красноармейцев, несколько человек уже перемахивали через поручни. Еще одно мгновение — и палуба наполнится ревущей отчаянной тайгой, но тут произошло нечто непонятное.

Что-то зашипело, забурлило, сначала едва слышно в этом шуме и гаме, затем все сильнее, наконец, откуда-то из глубин «водяного дома» прямо в лицо наседавшим вырвалось белое, шипящее теплое облако, моментально окутало толпу стоящих на берегу и успевших преодолеть поручни. Облако и шум, сопровождавший его появление, все усиливались и в довершение раздался дикий, пронзительный, сердитый рев. Момент — и нападавших как не бывало. Только трещали кустарники, раздавались испуганные крики и топот удалявшихся от берега коней... Стало тихо...

Из чрева водяного дома, вытирая поочередно паклей руки, вылез машинист в замызганном брезентовом костюме, ловкими, привычными бросками в три прыжка поднялся по лестнице на верхнюю палубу и, остановившись у человека в желтой кожанке, сквозь душивший его смех проговорил:

— Выходит, товарищ комиссар, вовремя я пар выпустил, а то либо «Работнику» солоно пришлось бы от гостей, либо гостям...

Это было первое наше знакомство с монголами.

III

Селенга всех нас интересовала, но не притягивала: по Селенге не было ни городов, ни даже больших улусов; выполняя свою работу на этой реке, мы не могли основательно ознакомиться ни с народом малоизвестной нам страны, ни тем более с бытом и характерными особенностями его. Впереди, как венец нашей работы, представлялась нам река Тола, приток р. Орхон, впадающей в свою очередь в Селенгу. На р. Толе стоит монгольская столица Урга, там мы сможем как следует познакомиться с монголами и особенно с легендарным «живым богом», проживающим по близости от столицы во дворце, отгороженном от мира высокими стенами. В этом дворце, представляющем собой типичный замок восточного владыки, европейские новшества уживаются с чисто-восточными жестокостями, к числу которых относятся «зверинец» с несчастными пленниками, осужденными на долгие голодные годы — пытку в ящике, где они по-

мещаются лишь в полусогнутом состоянии.

Государственный строй Монголии второй половины 1921 года был чрезвычайно своеобразен: существовало временное народное революционное правительство и наряду с ним большое влияние на управление страной оказывал духовно-советский владыка, живой бог — хутухта.

Само по себе существование «хутухты» — живых богов, — достаточно примечательно. До последнего «живого бога», или «богдо-геген» дело с наместниками бога небесного (бурхан-богдо) обстояло просто и бесхитростно.

Хутухты время от времени «обновлялись», обыкновенно по достижении 21—23 лет, «перевплощались» в 5—6-летнего ребенка и безошибочно каждый раз мужского пола.

Владыке Монголии, достигшему вышеуказанного «предельного» возраста, совет старейших и влиятельнейших лам, «помогавших» ему управлять страной, предлагал паломничество в Тибет, в Лхассу, на поклон далай-ламе, стоящему выше «богдо-гегена». Ничего не подозревавший хутухта снаряжал караван, запасался подарками «старшему брату» и сопровождаемый сонмом лам, «больших» и «маленьких», отправлялся в «далекий» путь. По дороге в Лхассу он получал удар ножом между лопаток и подменялся 5—6-летним мальчиком, появление которого на улицах Урги свидетельствовало как об очередном перевоплощении, так и о забываемости принципа управления страной советом лам и князей.

Но вот явился последний хутухта, оказавшийся умнее своих предшественников. Он перехитрил всех и прожил, действительно управляя страной, кажется, до 54-х лет. Незадолго до предстоявшего и ему «пути в Лхассу» он получил предупреждение о грозившей ему опасности и избежал смерти.

IV

Едва стало светать, «Струйка» пустилась в поиски прохода и скоро открыла его в одном из протоков, но этот путь сопряжен был с большим риском. Сильное течение отклонялось влево и разбивалось о скалу. Возникла опасность, что наш пароход неминуемо будет брошен на нее и разлетится в щепы.

Едва мы вошли в проход, как нас понесло на скалу: мы видели, как волны Селенги бьют в ее каменные ребра и разлетаются пеной и брызгами. Пароход шел на погибель. Капитан стоял на штурвале и все время ревел в рупор, отдавая приказы машинисту:

— Полный ход! — заревел он и почти лег на колесо штурвала.

Пароход задрожал, как конь под шпорами, и почти лег на-бок. Левое колесо его вертелось, не загибая воды, скала была перед нами.

Но пароход скользнул мимо нее и вышел в спокойное русло.

— У, чорт! — выругался капитан, оставив штурвал.

— Я знал, что пройдешь, — смеялся комиссар.

Мы шли полным ходом. Какой-то зверек переплыл нам дорогу, выскочил на берег, посмотрел на нас и медленно побежал от берега.

Из протока пароход вышел на прямую. Медленно заходящее солнце освещало реку впереди нас, и мы увидели, что навстречу нам движется по воде

какая-то живая масса. Топограф, бросив съемку, лихорадочно схватился за бинокль и долго всматривался вперед. Лучи заходящего солнца играли, отражаясь на воде, и били в глаза, совершенно сводя на-нет преимущества бинокля.

— Чорт его знает! будто птица! — пробормотал топограф и снова впился в даль. «Работник» застопорил машины. Туча на поверхности воды все близилась. Уже не один, а несколько биноклей изучали ее, но она еще оставалась загадочной, как вдруг громкое отчетливое гоготанье понеслось по реке нам навстречу. Гуси! Машины заработали снова. Расстояние между пароходом и гусями все сокращалось. Вот первые птицы прошли по бортам парохода, вот пароход уже совершенно окружен ими. Тут поднялось нечто невообразимое. Красноармейцы схватили винтовки. Справа, слева, с носа, с кормы застучали выстрелы, какой-то окончательно обалдевший охотник, сорвав брезент с пулемета, уже начал продергивать ленту в приемник и, наверное, не задумался бы открыть по гусям пулеметный огонь, если бы его силком не оттащили от «Максима». Стрельба не прекращалась, кто-то пытался, свесившись за борт, насадить гуся на штык, кто-то, также повиснув над водой, ловил добычу голыми руками, на пароходе стояли крик, рев. Опасность стрельбы в зоне противника была совершенно забыта, Унгери вылетел из красноармейских голов, а гуси, не обращая внимания ни на стрельбу, ни на крики, ни на потери в товарищах, величаво проплыв мимо парохода, продолжали свой путь, даже не попытавшись взлететь.

С быстротой, более никогда, даже в минуты опасности, не повторявшейся, с кормы спустилась на воду быстрая «Струйка» и заматалась по мутной воде Селенги, подбирая трофеи.

А потом двое суток шел «гусиный пир» и двое суток команда вознаграждала себя за «великопостные дни».

Гуси прилились как-раз кстати. До этого счастливого случая три дня питались одними сухарями.

Для нашего довольства на пароход были свезены семь быков. При выдаче на едока $\frac{3}{4}$ фунта туши быка должно было хватить дней на 6, но беда заключалась в том, что в жару мясо быстро портилось, на второй, на третий день оно уже было «с душком», а на четвертый приходилось бросать его за борт и остальные три дня до новой туши жевать сухари. Старались ловить рыбу и кому удавалось, тот варил ее или жарил, остальные же грызли сухари, запивая чаем.

V

На следующий день после «гусиного побоища» комиссар экспедиции, совмещавший одновременно должность представителя по службе генштаба, остановил пароход на ночевку ранее положенного времени, решив связаться со штабом корпуса. Это решение было вызвано главным образом сообщением двух монголов, с полудня сопровождавших нас на конях по берегу, о близости Ван-Куренского тракта, а следовательно и телеграфной линии. По их же сообщению лишь вчера не-вдалеке отсюда, у улусов Будун-Мунус, проходили значительные конные силы, частью русские, частью монгольские, искавшие брода. Надо было выяснить

В штабе общую обстановку на фронте и установить, что за конница оперирует в районе наших исследований. В полдень с «Работника» свезли на берег обоих верховых коней и с коноводом, захватив аппарат полевого телефона, комиссар направился на розыски провода. Указанное монголами расстояние в две-три версты не понуждало к быстрым аллюрам, и мы видели, как комиссар ехал шагом, направляясь к какому-то юртам, видневшимся в версте от берега.

Мы все позавидовали комиссару. День в день одно и то же может надоесть каждому.

Мы разошлись. Одни стали ловить рыбу, другие купаться, третьи завалились спать, а фельдшер с топографом сели за шахматную доску, за которой проводили все свободное время.

День тянулся томительно медленно. Пробило 6, потом 7, потом 8 часов, а комиссар не возвращался.

— Что это значит? — волновался комвзвод. — Три версты туда, три назад, — это час времени, час на разговоры — два, часа два в гостях у монголов. Всего четыре, а теперь 8 и его все нет.

— Соврали монголы: до тракта не три, а десять верст, — сказал капитан.

— Трудно мерить версты на бег коня, — объяснил переводчик, — у них кони, что ветер. Версты так и отхватывают.

— А если белогвардейская сволочь... Все беспокоились. Тревожное волнение охватило «Работника».

Все вышли на палубу. Топограф, капитан и комвзвод вооружились биноклями, внимательно осматривая даль безбрежной степи.

Солнце уже опустилось и томительный зной сменился холодом. От воды повеяло сыростью. Воздух зазвенел и тучи комаров закружились над палубой.

— Ах, чтоб вас! — стали раздаваться нетерпеливые возгласы и следом за ними хлопанье руками по щеке, по лбу, по темени.

Темнота сгущалась, красноармейцы на палубе, на железной решетке развели костер, навалив ветвей облепихи, и поднявшийся густой дым отогнал комариные тучи.

Капитан приказал засветить прожектор, и его голубой луч прорезал темноту и осветил узкую полосу.

Волнение среди нас росло. Но вдруг раздался возглас топографа: «едут», и скоро мы увидели в луче света комис-

сара и коновода. Пригнувшись к лошадиным шеям, они мчались, словно спасаясь от погони.

— Спусти сходни! — крикнул капитан.

— Есть, — и деревянный мостик перекинулся с борта на берег.

Почти в ту же минуту всадники соскочили с коней, и комиссар в два прыжка взлетел на палубу.

Мы встретили его радостными возгласами, но он, махая руками, закричал:

— Разводите пары и снимайтесь! Итти полным ходом!

— Есть, — ответил капитан, а комиссар бросился стремглав к трапу и скрылся в своей каюте.

Мы ничего не понимали. В это время коновод ввел на палубу тяжело дышавших коней и мы обступили его.

— Что случилось?..

— А что, — ответил он, расседывая коней и подводя их к дымящемуся костру, — продрогли, как собаки, и комары заели!.. Вот! чтоб им передохнуть! — и с этими словами он начал хлопать по всему телу, скоблить руками голову и чистить лицо. Кругом раздавался дружный хохот.

Только теперь мы увидели, что и кони, и коновод были буквально облеплены комарами, которые с недовольным гудением отрывались и летели прочь, их отгоняя дым.

— Вам смех, а побыли бы в нашей шкуре, — недовольно сказал коновод и стал чистить коней, а потом зачерпнул ведром воды из реки и стал обмывать их, время-от-времени почесываясь и не переставая рассказывать.

— Косоглазые черти, чтоб им пусто было, — сказали три версты, а их все 25, если не больше. Едва добрались. Час времени товарищ комиссар разговаривал, а там и к вечеру. Мы, как есть, налегке, в гимнастерках, а в степи

холод поднялся. Дрожим, зуб на зуб не попадает. Прибавили ходу, а тут комарь! — он взмахнул даже руками.

— Словно вода: и в нос, и в уши, и в глаза, в волосы, проклятые! Насквозь через рубаху, через штаны, через сапоги, сволочи. Так и едят. Коней облепили. Товарищ комиссар с носу очки потерял; «гони!»—кричит, а лошади сами несут. Ну, и было! — Он дернул коней и осторожно повел их в стойла.

А тем временем внутри парохода уже послышалось ровное дыхание машины, потом зашумели колеса и берег отодвинулся от нас, а луч прожектора далеко осветил течение Селенги.

Мы двинулись вперед. «Струйка», спущенная в воду, бежала впереди и указывала фарватер.

VI

Было время ужина, и мы все сошлись в кают-компанию за столом. Пришел и комиссар.

Мы взглянули на него и едва удержались от смеха. Лицо его вспухло и покраснело от комариных укусов. Вместо гордо сидящего пенсне на носу его плотно сели круглые очки.

— Смейтесь, смейтесь!—сказал, усаживаясь, комиссар,—попали бы в комариную тучу, вспомнили бы кузькину мать! Фу, чорт, выругался он, — на Пинских болотах был, в тундре бывал, а такую гнусь впервые испытал.

Подали мясо, чай, и мы принялись за еду.

— Ты скажи лучше, для чего ты ночью ехать приказал?—спросил капитан.

— Необходимо! Видите ли, проклятый Унгерн успел увильнуть от нас, перешел Селенгу где-то выше Будун-Мануса и прет на Кругобайкальскую железную дорогу. Если он доберется да разрушит хоть один из 37 туннелей, тогда дело табак. И связь разорвана, и дорога на время стоп, и убытки...

— Фью!—свистнул комвзвод,—а мы при чем?

— А ты слушай. Наша конная дивизия гнала его от самой Урги, а сейчас подошла к Селенге у Будун-Мануса и ее надо спешно переправить. Поняли? Мы поняли. Капитан кивнул и улыбнулся. На долю мирного «Работника» выпадала боевая задача.

— А гулял как?—спросил комвзвод.

— Гулял, чорт дери этих монголишек,—ответил комиссар.—Я ведь поверил им, что версты три до линии...

Все стали расходиться. Я вышел на палубу. Кругом стояла черная тьма. Наверху раскинулось звездное небо. Пароход пытел и дрожал, под колесами шумела вода, в темноту ночи из трубы вылетали сотни искр, сверкали красными звездами и гасли, а впереди на далекое пространство яркий луч прожектора прорезал тьму и ясно виднелась серая мусть реки, по которой скользила «Струйка», указывая фарватер.

VII

Утром, чуть свет, я проснулся от шума, несшегося сверху, с палубы. Машина не работала, пароход стоял и наверху топали, хлопали, стучали, кричали. Топограф, мой сожитель по каюте, исчез.

Я вскочил с койки, торопливо оделся и выбежал на палубу.

Солнце уже всходило и успело нагреть воздух. Мы стояли у берега.

В полуверсте виднелись густо рассыпанные юрты.

— Будун-Манус,—сказал переводчик,—самый большой улус на Селенге.

Я догадался и без его пояснений. За юртами ровными рядами стояли у конюшен кони. Между рядами, словно оголенные ветви, торчали поставленные пики, а дальше белели палатки, дымились догорающие костры и во все стороны двигались наши красноармейцы в шапках, в папахах, одетые в костюмы всех цветов и фасонов.

На пароходе готовились к переправе. Под наблюдением капитана, комвзвода и штурмана с парохода сняли всех людей, кроме команды, коней, быков, и по сходням вводили кавалерийских коней и красноармейцев.

Шум стоял невообразимый. К словам команды, ржанию коней примешивались визгливые крики монголов, которые оставили свои юрты и с берега глазели на небывалое зрелище, перекликаясь между собой.

Я сошел на берег и скоро нашел нашего комиссара. Он стоял с комдивом, окруженный эскадронными командирами. Комдив, бравый мужчина лет 30, с чисто-военной выправкой, щелкая себя толстой камышковой по ноге, говорил:

— Можно сказать, из-под носа удрал, подлец. Мы все время за Унгерном по свежему следу шли и вдруг исчез. Это ему какие-то степняки прислужились. Там, говорят, выше,—он показал камышковой вверх по течению,—брод есть. Я послал разведку,—не нашли. Здешные не знают. Если бы не вы, вероятно, еще сутки потеряли бы...

— Случай, дорогой товарищ,—смеялся наш комиссар,—если бы я не связался с генштабом, так бы и были в разных концах и не встретились.

Переправа, между тем, началась. Пароход, нагруженный до отказа, заревел, запыхтел и, пеня воду, отошел от берега. Изумлению монголов не было предела.

— Усо-гыр! Усо-гыр! — кричали они.

И было чему удивиться. В первый раз они видели такое чудовище, которое несет на себе сотню коней и полсотни людей.

Пароход шел, выпуская густые клубы черного дыма. «Струйка» тоже работала. Она брала по 15—20 человек и чуть не черпая воду, бойко шла на перерез течения, громко выстукивая мотором.

Весь день без перерыва продолжалась переброска дивизии. Селенга в этом месте имела метров 500—600, но быстрое течение замедляло работу.

Поздно вечером пароход взял последний эшелон. Весь комсостав собрался у нас в кают-компанию и мы обратились в радушных хозяев, на столе появилось дымящееся рагу, прекрасный ростбиф и пир удался на славу.

Бравые командиры радостно смеялись.

— Чудеса,—говорили они,—ведь мы все это забыли. И электрический свет, и эта мягкая мебель, и ножи, и вилки!

— Да, да,—говорил комдив,—от всего отвыкли. По степи мечешься, по неделям белье не меняешь, о костюме не заботишься, только оружие и бережешь!

— Но вы были в столице Монголии,—с завистью говорили мы,—там же правильное, есть все удобства. Резиденция самого хутухты.

— Не знаем, как он живет, а что их Урга—сплошное свинство,—это так понятно с нашей точки зрения,—оговорился комдив.

И они начали рассказывать нам про Ургу, столицу Монголии, и про тамошние нравы.

VIII

Урга—священная столица Монголии, местопребывание хутухты, культурный и духовно-религиозный центр страны. Каждый монгол, как бы далеко ни было его кочевье, считает священным долгом прийти в Ургу побывать в Да-куре, чтобы поклониться храмам. И вдруг эта Урга оказывается грязным свинарником!

Мы не хотели верить, но наши командиры, только что побывавшие в ней, передавали о том, что видели. Город состоит из мазанок, внутреннее убранство которых ничем не отличается от юрт. Центр города—базар, как и во всех восточных городах. На базаре протекает общественная жизнь, ведется торговля, совершаются религиозные отправления.

Этот базар в Урге является свалкой нечистот и своей вонию заражает весь город. Нужно большое мужество, чтобы пробыть на базаре несколько минут. Монголы же совершенно не замечают ни вони, ни мерзости. За городом гниют трупы, которые гложут собаки, на базаре валяются отбросы убитого скота, тут же, подле съестных лавок и закусовых, воздух наполняют смрадом кучи человеческих испражнений. Санитарами и ассенизаторами являются собаки, которые считаются священными, ходят стаями и пожирают все отбросы.

На базаре торгуют и молятся. На каждом шагу встречаются ламы местные, окрестные, пришедшие издалека. У монголов каждый первенец посвящается богу, делается ламой, монахом. Можно себе представить, какое количество жадных туеядцев наполняет страну и толкается в Урге!

Для их молений на базаре ставятся священные барабаны, вроде вращающихся аршинных тумб. Лама вращает их рукой и в это время читает молитвы. А тут же рядом другой лама жует какую-нибудь еду, третий—отправляет свои нужды... Монголы употребляют для питья какую угодно воду—грязную, вонючую. Они никогда не ополаснут лица, рук, а об обмывании всего тела и не слыхали. У монгола тырлык, по-нашему—халат, не снимается, пока не истлеет на плечах хозяина. Своих покойников они просто выволакивают за город и бросают на съедение собакам. И если эти священные животные не скоро сожрут труп, это значит, что покойник крепко согрешил при жизни и потому боги к нему немилостивы...

Мы жадно слушали и, несмотря на разочарование, все-таки хотели побывать в священном городе монголов.

IX

На другое утро мы простились со своими гостями. На берегу выстроилась дивизия. Раздалась команда и эскадрон за эскадрон тронулись в путь—искать и ловить белогвардейцев.

Наш комиссар уехал с коневодом, чтобы опять связаться со штабом. Вернулся он назад часа через три с нахмуренным лицом.

— Шабаш!—сказал он.—Приказано немедленно возвращаться.

— Вот тебе и Урга!—воскликнул комвзвод, и мы все почувствовали горькую обиду.

Вероятно, такое же чувство испытал Свен Гедин, когда его повернули назад от Лхассы, крыши которой он уже видел перед собой.

Остался доволен только один капитан.

— Отлично!—сказал он.—В самый раз! У нас и мясо и топливо на исходе.

Мы вернулись на правый берег, погрузили свою воинскую охрану и тронулись в обратный путь. Монголы бежали по берегу и кричали, махая руками:

— Усо-гыр!
Улан-цырик!—и снова то же.

Усо-гыр—это «дом на воде», уланцырик — это «красный солдат». Мы махали им платками и шапками, пока они не скрылись из глаз.

Все же мы прошли немного вверх из улуса Будун-Манус и, выйдя на берег, поставили скромную створу с надписью: «Рубеж, достигнутый паромом «Работник». Августа 1921 года».

Мы имели на это право...

К слову сказать, после нас по нашему пути через пять лет — в 1926 г. прошел пароход «Кооператив» и оповестил «всех, всех» через корреспондента «Известий ЦИК», что он «первый» прошел по р. Селенге в пределах Монголии.

Мы были скромнее...

X

Торопясь домой, мы шли вниз по течению днем и ночью и сделали только одну остановку на том месте, где испытали «нашествие монголов».

Теперь было все по-иному. Вероятно, «монгольское телеграфное агентство» успело передать о нас успокоительные известия и монголы, стоя на берегу, держали себя чинно и приветливо. Комиссар разрешил им осмотреть наш «Усо-гыр» и их стали впускать партиями по десять человек. Они все осматривали, трогали руками и по всякому случаю выражали восторг и удивление. После осмотра мы на берегу при

помощи переводчика устроили митинг. Мы объяснили им, что мы за люди и для чего появились здесь. После нас по этой реке пойдут друг за другом «Усо-гыр» и привезут им всякого добра—материи, посуду, табак. Все, что им надо.

Они радовались и смеялись.

Когда после этого мы сказали им, что Усо-гыр нужно топливо, они тотчас же радостно бросились к лошадям и на своих повозках стали подвозить нам топливо, «корм» для божества, так как

приходившие извивы Селенги и познакомили монголов и с нами и с диковинным «Усо-гыр».

Переправленная нами через реку конная дивизия успела перерезать путь белогвардейским бандам и разбила их наголову, рассеяв по монгольской степи. Вскоре за этим лихие партизаны отряда Щетинкина захватили в плен и самого Унгерна.

В этих краях война кончилась. Белогвардейцы были ликвидированы, и в этом деле наш «Работник» честно выполнил свою маленькую задачу.

С тех пор прошло 7 лет и за это короткое время совершенно изменилась Монголия. Не стало хутухты и вся власть в стране сосредоточилась в руках народно-революционного правительства, цель которого совершенно противоположна целям прежних правителей страны—князей и духовенства. В маломальски населенных пунктах открываются школы. Десятки, если не сотни, монгольских юношей ежегодно направляются учиться в соседнюю братскую Бурятско-Монгольскую АССР и даже в сердце Советского Союза—в Москву. Границы Монголии охраняются своими цыриками, своей многочисленной, но крепко спаянной сознанием долга и разумной твердой дисциплинированной армией. Налагаются и внешне-торговые сношения:

с СССР, с западным Китаем и с Тибетом. Ломаются гнилые устои старого быта, в плену которого томилась вся огромная страна. Между Улан-Батор-Хото (прежней Ургой) и советской границей забегали невиданные до 1921 года авто; на реке Селенге гудят «дома на воде». Не в диковинку монголу и стальные птицы. Смелыми шагами идет к культуре монгольский народ, веками забивавшийся поработителями в подполье невежества.

А лучшее — еще впереди, и оно недалеко.

они были убеждены, что в тяжко дышащей машине сидит бог. От платы они отказались, говоря через переводчика: — Везите скорее нам вкусный хлеб, табак и ткани!

Через двое суток мы развели пары и тронулись в путь уже без всяких остановок. Экспедиция наша закончилась.

Правда, она была коротка, но мы сделали свое дело—исследовали фарватер Селенги до самого Орхона, сделали множество снимков, нанесли на карту

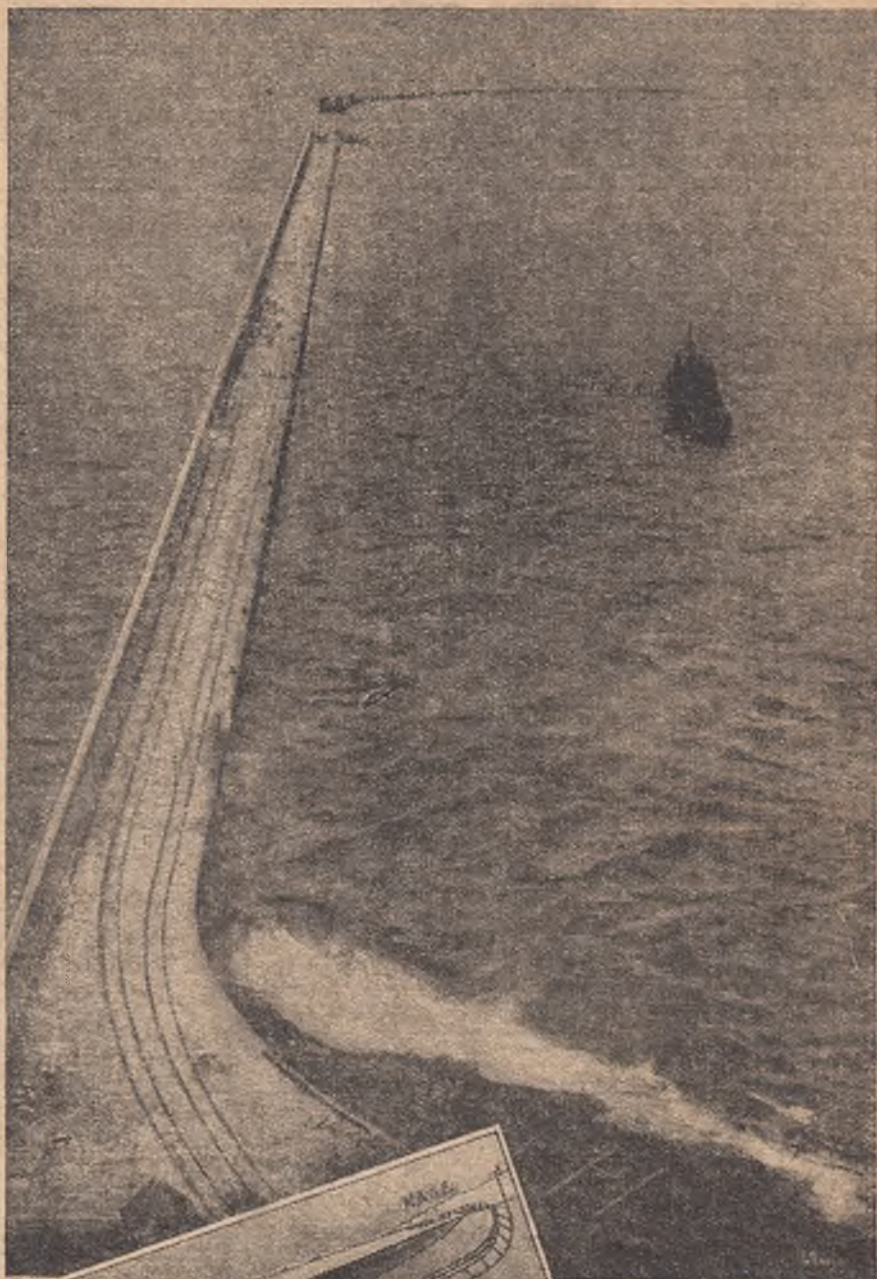
П Е К И Н - Л О Н Д О Н

Проект соединения Англии с Европейским материком через пролив Ламанш насчитывает за собой не одно столетие. Предполагалось осуществить постройку моста через пролив или провести подводный тоннель. Все эти проекты долгое время не могли быть проведенными в жизнь вследствие стремления Англии сохранить свое островное положение, очень удобное в стратегическом отношении.

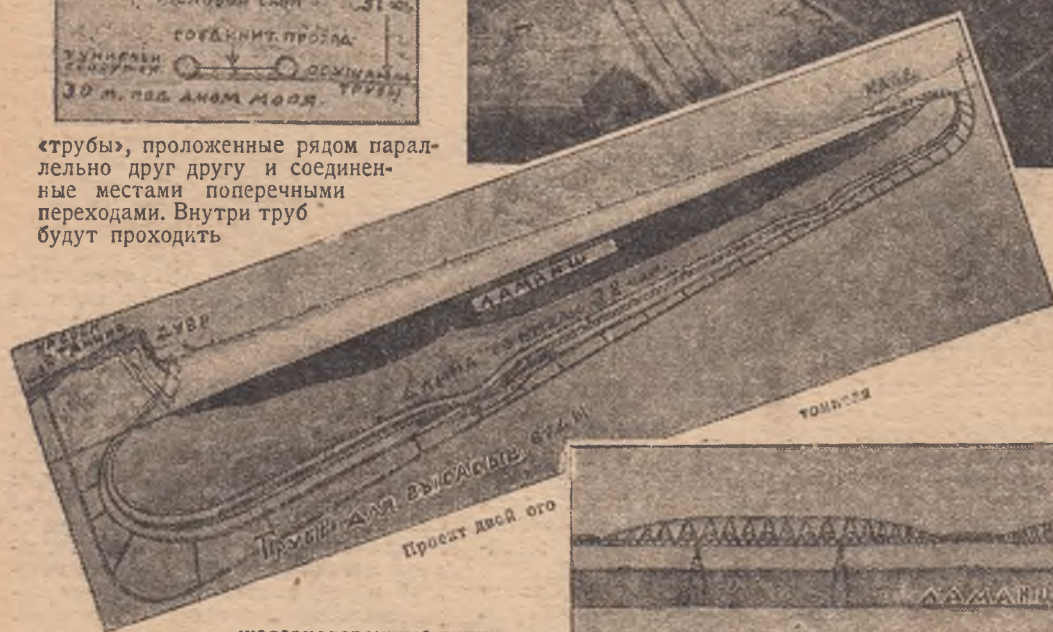
Но с того момента, как Блерио в первый раз пересек Ламанш на аэроплане, а цеппелины, несмотря на могущественный флот, сумели неоднократно совершать налеты на Лондон, — Ламаншский пролив, как препятствие при нападении на Аглию, утратил свое значение. Теперь трудно возражать против постройки тоннеля, чрезвычайно выгодного с экономической стороны и к тому же технически легко осуществимого.

Уже в 1882 г. начались работы по постройке этого тоннеля одновременно с английской и французской стороны канала. Англичане прорыли на $\frac{3}{4}$ мили, а французы на $1\frac{1}{4}$. Но к 1885 году работы были заброшены.

Современный проект тоннеля представляет собой две огромные круглые

«трубы», проложенные рядом параллельно друг другу и соединенные местами поперечными переходами. Внутри труб будут проходить

Мол Дувра. Отсюда будет начинаться тоннель

При осуществлении этого проекта Англия свяжется с Европейским материком и станет возможным беспересадочное железнодорожное сообщение по новой линии — Лондон — Пекин.

железнодорожные линии. Общая длина тоннеля — 38 километров.

Проект моста, разработанный в 1889 г.

ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ № 4 (23)

Турнир по переписке шахматного отдела „Вокруг Света“.

До сдачи в набор настоящего номера поступило свыше 100 заявлений от желающих участвовать в турнире. Участники турнира разбиваются на группы по 10 человек. Ниже приводятся адреса участников первых трех групповых турниров. Участники турнира должны связаться со своими противниками в недельный срок. Правила игры в турнире по переписке изложены в предыдущем шахм. отделе № 3 (22).

Группа 1.

1. Липатов Ю. (Л-град, Социалистическая ул. 10, кв. 9).
2. Зайчиков Ю. (Москва, Центр., Кривоколенный пер. 9, кв. 11).
3. Шанин Л. И. (Бологое, за озерами, дер. Бельтихинский).
4. Аугервальдт Г. И. (Кингисеоп, пр. Карла Маркса 6).
5. Шалабанов М. П. (Званка, Мурм. ж. д., лавка ТПО № 7).
6. Панин Н. Ф. (Детское Село, Несочная ул. 11).
7. Рубинович А. Г. (Химки, Окт. ж. д., Южный пер. 4).
8. Росинблат Е. (Слуцк, Ленингр. обл., Слуцкое шоссе 49, кв. 2).
9. Лейферман Д. Г. (Бар, Могилевск. окр., пл. Дзержинского).
10. Шарыгин Н. К. (Архангельск, Кузнецкая, Псковский пр. 12Б, кв. 1).

Группа 2.

1. Бренев Ю. Е. (Москва, 34*, М. Левшинский пер. 3, кв. 18).
2. Лапко, Ф. Д. (Курок, ул. Радищева 29).
3. Баркин И. Д. (Орел, Тургеневская ул. 18).
4. Русанов Н. Д. (Павло-Посад, Моск. губ., п. о. Загорье, дер. Крушино).
5. Введенский Ю. (Белев, Тульск. губ., ул. Калера 14).

6. Лупенко Л. М. (Рязань, Приютная ул. 24).
7. Черников К. (Мещерско-Подольское п. о., Моск. губ., больница им. Яковенко).
8. Горянов Е. Г. (Нижегород, 18-я линия 5, кв. 6).
9. Межиборский (Воронеж, Мало-Московская улица 32).
10. Абрамов А. Я. (Ленинград, Фонтанка 64, кв. 24).

Группа 3.

1. Гусев А. (Киев, ул. Гершуни 36, кв. 11).
2. Вахрушев Н. (Харьков, Чернышев. ул. 100, 8-е звено, кв. 16).
3. Сидоренко И. Т. (Украина, Сумы, Сумск. окр., Кустовая ул. 1).
4. Клименко С. В. (УССР, п. о. Сахновщина, Полтавск. окр., Почтовая ул. 25).
5. Гуринов В. (Украина, Г.ухогск. окр., Н.-Северский район, Н.-Северск).
6. Попов А. Г. (УССР, Волчанск, Харьковск. окр., Ж.лезнодорожная ул. 3).
7. Шелешко В. В. (УССР, Мелитополь, ул. Свердлова 39, кв. 2).
8. Мондлин Г. С. (УССР, Зинovieвский окр., Маловисковский район, Сахарный завод, Союз Строителей).
9. Лисенко В. М. (Красноград, Цолтавск. окр., Технич. профшкола).
10. Ястребов И. С. (Москва, Тверская 55, кв. 13).

Задача № 13

К. Траколера.

Белые: Кр a1, Ф c3, К c7 (3).

Черные: Кр a4, пп. b5, b7, c6 (4).

Мат в 3 хода.

Фамилии тт., приславших правильные решения, будут опубликованы.

ПОПРАВКА. В этюд № 6 белая пешка стоит не на h5, как указано в записи положения под диаграммой, а на h2, как отмечено на диаграмме.

Решение задачи № 16

1. f4 — f5.

ПРАВИЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

задачи № 16 прислали: Н. Киров (Осташков), Е. и П. Снегиревы (Харьков), Н. Гусев (Киев), Н. Мазаров (Москва), С. Клименко (Сохновщина), М. Пульнер (Брянск), Д. Селиванов (Рогачев), Г. Курсанов (Владимир), Анисимов (Нерехта), П. Барышников (Ленинград), В. Чеботаревский (Мариуполь), Э. Заезерский (Ленинград), Г. Аугервальдт (г. Кингисеоп), Т. Ильченко (Краснодар), Н. Яковлев (Армавир), Ф. Лапко (Курск), Н. Жимаков (Старополю), А. Пирогов (Медвежья гора), Н. Д. Белкин (Одесса), В. Грязнов (Дзельное), В. Тагер (Херсон), М. Фридман (Херсон), В. Шелешко (Мелитополь), А. Аганитов (Орель), Ю. Зайчиков (Москва), Х. Бадали (Ленинград), П. Сафарин (Ленинград), Ю. Бренев (Крыково), Русаков (Крушино), Н. Секачев (Ярославль), Б. Цепов (Ленинград), Н. Вахрушев (Харьков), И. Парегородцев (Татарск), Крац (Астрахань), Я. Стопенко (Бокровский антрацит), А. Вичау (Харьков), Галперин (Тульчин), В. Сафин.

Задачу № 15 дополнительно решили: Ю. Леттецкий (Борисов), В. Самарянц (Баку), Л. Загадова (Нахичеваль).

Шахматная жизнь.

Ульяновск. Матч между С. П. Храмовым и В. Н. Введенским закончился победой Введенского с результатом +5 — 3 = 4.

Козлов. Закончился городской чемпионат. На первые два места вышли т.т. Самойлов и Яковлев, набравшие по 9½ очков из 11. В матче между ними победил Самойлов (1½ из 2), завоевавший таким образом, в третий раз первенство Козлова.

Самара. Закончился чемпионат самарского гарнизона. Первое место занял т. Ратман (8 очков из 9), второе и третье места разделили тт. Быков и Промакин (по 6 очков).

Партия № 32.

Каро-Канн.

Л. Штейнер — С. Росселли.

(Играл на гаагском турнире в 1928 г.)

1. e2—e4, c7—c6, 2. d2—d4, d7—d5.
3. К b1—c3, d5: e4, 4. К c3: e4, К g8—f6,
5. К e4: f6+, e7: f6, 6. К g1—f3, С f8—d6,
7. С f1—e2, 0—0, 8. 0—0, К b8—d7,
9. c2—c4, f6—f5 (черные готовят атаку на королевском фланге; прежде всего нужно закрыть диагональ С1—h6),
10. Ф d1—c2, f5—f4! 11. Л f1—d1,
Ф d8—f6, 12. c4—c5, С d6—c7, 13. b2—b4,
Ф f6—h6 (борьба развешивается на двух флангах), 14. С e2—c4, К d7—f6,
15. С c1—b2, С c8—g4, 16. Ф c2—b3,
Л a8—d8, 17. b4—b5? (слишком беззаботно: следовало играть 17. Л d1—e1, чтобы подговорить ход К f3—e5), 17. ...
c6: b5! 18. С c4: b5 (плохо было бы 18. Ф b3: b5, из-за 18. ... С g4: f3, 19. g2: f3, К f8—g4! 20. f3: g4, f4—f3! 21. К p g1—f1, Л f8—e8 и выигрывают), 18. ... Л d8—d5! (черные подводят ретервы для решительного штурма), 19. h2—h3, Л d5—h5!,
20. К p g1—f1, С g4—e6, 21. С b5—c4, К f6—d5, 22. С b2—a3? (нельзя, конечно, 22. Ф b3: b7, так как после 22. ... Л f8—b8 белые теряли бы фигуру; ход в тексте подготавливает взятие пешки b7, что однако приводит к печальному для белых результату), 22. ... Л f8—d8, 23. Ф d3:

b7? (после этого хода начинается блестящий разгром королевского фланга белых; ходом 23. Л a1—c1 белые могли бы защищаться) 23. ... К d5: e3+!
24. f2: e3, С e6: c4+, 25. К p f1—g1, Л h5: h3! 26. e3—e4 (принятие жертвы ладьи или взятие слона c7, приводит к форсированному проигрышу белых, например: 26. g2: h3, Ф h6—g6+, 27. К p g1—h1, Ф h6—g3, 28. Ф b8: c7, Ф g3: f3+, 29. К p h1—g1, Ф f3—g3+ и т. д. или 28. Ф b7: c7, Л h3—h1+, 27. К p g1—f2, f4: e3+, 28. К p f2—g3, Ф h6—g6+, 29. К p g3—f4, Л d8—e8, с угрозой 30. ... Л e8—e4×; 29. К f3—e5, Л h1—h4+ и черные выигрывают), 26. ... Л h3: f3, 27. Ф b7: c7 (если 27. g2: f3, то : 27. ... Ф h6—g5+, 28. К p g1—h1, С c4—e2, 29. Л d1—f1, Ф g5—h4+, 30. К p h1—g1, Ф h4—g3+, 31. К p g1—h1, С e2: f3+, 32. Л f1: f3, Ф g3: f3+, 33. К p h1—g1, Ф f3—g3+, 34. К p g1—f1, f4—f3, 35. Ф b7—b2, Л d8: d4 и черные выигрывают), 27. ... Ф h6—g5, 28. С a3—c1, h7—h5, 29. d4—d5, Л d8—e8, 30. d5—d6, Л f3—g3, 31. С c1: f4 (если 31. Л d1—d2, то 31. ... f4—f3 и выигрывают; если же 31. d6—d7, то : 31. ... Л g3: g2+, 32. К p g1—h1, Л g2—g1+, 33. Л d1: g1, Ф g5—h4+, 34. К p h1—g2, Ф h4—g3+, 35. К p g2—h1, Ф g3—h3×) 31. ... Л g3: g2+, 32. К p g1—h1, Ф g5: f4, 33. К p h1: g2, Ф f4: e4+, 34. К p g2—g1, Ф e4—g4+, 35. К p g1—h1, Л e8—e2. Штейнер сдался.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград, 2, Фонтанка, 57.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

А. Л. МАНИЗЕР
ЧЕМ ЮНОСТЬ БОГАТА

Повесть из последних лет прошлого века

134 стр. Цена 1 руб.

ПРОДАЖА ВЕЗДЕ

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:
Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Главная Контора
Издательства „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград, 2, Фонтанка, 57.

БЕРЕГИТЕ ДЕТЕЙ!

С ребятами то и дело происходит ряд несчастных случаев: то попадут под трамвай, то найдут патрон—начнут бить его камнем, а он взорвется и т. д.

Предупредить их, уберечь ребят очень трудно.

Остается один выход: рассказать ребятам о наиболее опасных случаях и притом так, чтобы это запечатлелось в их памяти.

Это и делает выпущенная издат. «Красная Газета»

НОВАЯ КНИГА-АЛЬБОМ „ПРИКЛЮЧЕНИЯ 38 РЕБЯТ“

В книге множество рисунков.

Цена 1 р. 20 к. В переклете—2 руб.

ПРОДАЖА ВЕЗДЕ.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

Ленинград, 2, Фонтанка, 57.
Главная Контора Издательства
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград, 2, Фонтанка, 57.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА
И. Н. ПОТАПЕНКО
МЕРТВОЕ МОРЕ

Роман. 188 стран.

Продажа везде. Цена 1 руб.

Заказы и деньги направлять:

Ленинград, 2, Фонтанка, 57.
Главная Контора Издательства
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

СТРОЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

В 20 таблицах размером 25×34 см, отпечатанных на бristolском картоне в 2-х красках с объяснительным текстом (отдельная книга 100 страниц с иллюстрациями).

АТЛАС
СОСТАВИЛИ
ПРОФ. К. А. БАЕВ
и
Д-Р Е. М. ГИНЗБУРГ

Атлас заключен в роскошный коленкорный футляр, тисненый золотом, и содержит все необходимые сведения для читателей, заинтересовавшихся астрономией, и может быть использован вместе с таблицами как наглядное пособие при проработке тематических занятий и лекций.

Цена атласа в розничной продаже 6 р. 50 к.

Такой же атлас, отпечатанный на альбомной бумаге, заключенный в изящный папочный футляр—ЦЕНА 4 руб. 50 коп.

Заказы и деньги (переводы) направлять: Ленинград, 2, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“. Розничная продажа в Отделении „Красной Газеты“, Ленинград, Пр. 25 Октября, 63, и магаз. „Детская книга“; в Москве — Советск. Л., 34 и во всех остальных магазинах.